

Своя

март 2018

журнал
Никиты Михалкова

ПЕРВЫЙ ПОСЛЕ СМУТЫ

Как Михаила
Романова народ
на царство позвал

РИСУНОК ИЗ КНИГИ ОБ ИЗБРАНИИ НА ЦАРСТВО
ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ, ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА. 1856

**Горький —
это звучит гордо**

Он создал новую веру —
религию человека

Смех по графику

Мурзилка и другие
веселые картинки
Аминадава Каневского

Алексей Петренко:

«Грехи моих
персонажей
я взял на себя»

ФОТО: ИТАР-ТАСС

НЕТ ЛЮДЕЙ чисто беленьких или
совершенно черненьких; люди
все пестрые.

Максим Горький (1868–1936)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Наш выбор	26–29	Родное слово
Талант в полный рост
105 лет назад родился Сергей Михалков
3–8	Дом Романовых
Первый после Смуты	30–33	Проверено временем
Смех по графику
9–11	На семи холмах
Добрый памятник поставлен
двум героям всей страной
История создания монумента Минину
и Пожарскому	34–37	Наука побеждать
«Я — Покрышкин. Атакую!»
Его школа боевой тактики
востребована по сей день
12–15	Философ о философе
«Всякая революция
есть плебейство»
Богослов Владимир Ильин о мировой
скорби и христианской любви	38–41	Русский гений
Проект Вернадского
Что такое ноосфера и можно ли в ней жить
16–19	Имена и даты	42–47	Стоп-кадр
Алексей Петренко: «Грехи моих
персонажей я взял на себя»
20–25	Литфонд
Горький — это звучит гордо	48	Трапезная
Сначала Бог, а потом пирог

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633, +7 (495) 622-7222

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

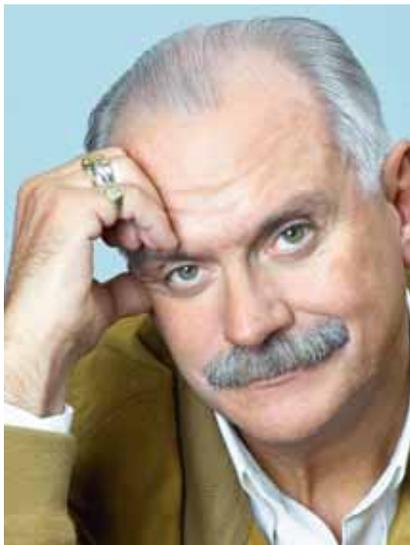
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Буршевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 1331/18

Тираж 40 155

Подписано в печать 5 февраля 2018 г.

Наш выбор

18 марта мы будем избирать главу государства. Задолго до дня голосования вовсю зазвучали претензии тех, кто заранее недоволен «предсказуемостью результата».

Лично я не вижу в такой предопределенности ничего дурного. Напротив, убежден: она — абсолютное благо для страны, доказательство того, что подавляющее большинство россиян едины в оценке деятельности нашего президента.

Приводя доводы в пользу «предсказуемости», сошлюсь на свою документальную ленту более чем десятилетней давности, которая была посвящена 55-летию Владимира Путина. Тогда, в октябре 2007-го, мне представлялось необходимым подвести некую предварительную черту под его восьмилетним правлением. В коротком двадцатиминутном фильме я обратил внимание зрителей на важнейшие, узловые, по моему мнению, точки.

После чудовищного развала 1990-х возрождается российская армия. А вместе с ней — отечественный оборонно-промышленный комплекс. Теперь об этом едва ли не криком кричат натовские генералы и чиновники госдепа США.

Колоссальное значение приобрела знаменитая мюнхенская речь Путина, где просто и ясно было заявлено о подлинных интересах нашей страны и о том, что мешает их соблюдению. Было твердо произнесено, что мировая справедливость — вещь не односторонняя, а пожары Косова, Ирака возникают не сами по себе — их организуют поджигатели извне. Российская Федерация устами своего лидера впервые недвусмысленно заявила: ее категорически не устраивает «новый мировой порядок». А ныне уже самой России лицемерно и несправедливо инкриминируют «вмешательство» во внутренние дела других государств.

Тогда вместе с соотечественниками я в очередной раз порадовался известию о грядущем проведении в Сочи зимней Олимпиады. Пожалуй, только в этом случае о предсказуемости не могло быть речи. Яркое выступление нашей сборной привело в дальнейшем к дикому произволу со стороны мирового чиновничества. Но ведь Играм в Пхенчхане спортивная судьба российских атлетов не заканчивается...

Все мы знаем, как руководитель страны предотвратил ее, казавшийся неминуемым, распад. Вполне осознаем и то, что высшее право представлять великую нацию он получил не от «семибанкирщины» и не от западного истеблишмента, а от всего русского, российского народа.

В том фильме я припомнил один наш разговор, когда президент в задумчивости произнес примерно следующее: «Кем я был? Кто я и почему оказался здесь. Для чего? Неужели для того, чтобы доесть то, что не доели другие?..» Эта потрясающе откровенная фраза окончательно убедила меня в том, что самым ключевым в жизни вопросом Владимир Владимирович задался давным-давно. И с тех пор отвечает на него не только самому себе, но и всему миру.

Приходите на выборы. Они действительно во многом предсказуемы, но именно тем и замечательны.

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'V. Lukin'.

Первый после Смуты

Западную демократию принято противопоставлять (в определенных кругах) «извечному русскому рабству», что является грубейшей исторической подтасовкой. Еще Иван Грозный в ходе реформ создал уникальную государственную систему — земскую монархию. Опиралась она не на аристократию и торгово-промышленную олигархию, как в большинстве европейских стран, а на «всю землю», на весь народ.

Валерий Шамбаров

ЖЕСТКАЯ вертикаль власти сочеталась с широким самоуправлением по «горизонталям». Села, волости, слободы, улицы выбирали старост, чиновников-целовальников. В городах и уездах делами руководили земские старосты, получившие огромные полномочия. Для решения особо важных вопросов царь созывал представителей от населенных пунктов, отдельных земель и различных сословий — Земский собор. Иван IV делал это многократно, в частности, в 1550-м, 1566-м и 1580-м. После его смерти в 1584 году то же предпринял Федор Иоаннович — дабы посоветоваться о новом царствовании, узнать нужды и пожелания русских людей. В 1598-м, когда правящая династия прервалась, соборяне избирали на престол Бориса Годунова.

Любители порассуждать о традициях западных свобод и их отсутствии в России могут сопоставить:

за всю историю Франции высший представительный орган (Генеральные штаты) созывался лишь несколько раз.

Почему же «вся земля» в конце концов вручила скипетр и державу Михаилу Романову? Чтобы понять это, следует пристально взглянуть на причины Смуты. Силы, организовавшие глобальную диверсию против Руси, сейчас хорошо известны: Ватикан, орден иезуитов, последовательный проводник этих идей польский король Сигизмунд III. Психологический расчет был безупречен: с одной стороны, чрезвычайная популярность среди простых людей усопшего Ивана Грозного, с другой — страшные злоупотребления после его кончины, усиление социального и экономического гнета. Хитроумное внедрение самозваного «сына царя Иоанна» всколыхнуло в наших городах и весях определенные надежды: он вер-

Э. ЛИССНЕР. «ИЗГНАНИЕ ПОЛЬСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ ИЗ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В 1612 ГОДУ»

нется к политике отца, восстановит правду, защитит подданных от хищничества. И грянул социальный взрыв, расколовший народ, бросивший его в пожар гражданской войны.

Кстати, разжиганию последней способствовало и пренебрежение соборным началом. В 1605 году после смерти Бориса Годунова его родственники побоялись обращаться ко «всей земле», но разослали грамоту, будто сын умершего правителя Федор избран на царство Собором. Однако люди знали: делегаты в Москву не ездили. Аналогичный обман попытался использовать Василий Шуйский, свергнувший Ажедмитрия и взошедший на трон. Стремясь порушить едва укоренившуюся традицию, выстроить не земскую, а аристократическую монархию. По всей Руси пошел слух: бояре убили доброго царя (имелся в виду самозванец), чтобы властвовать самим.

Цель диверсии оказалась достигнута. Пока Россия представляла единой и монолитной, с ней не мог справиться никакой внешний враг. И даже могущественные коалиции не способны были ее одолеть — так было при Иване III и Иване Грозном. В условиях Смуты наши города и области принялись захватывать поляки, шведы, грабили крымцы и ногайцы. В

1610-м возмущенные москвичи при поддержке военных низложили Шуйского, и снова был созван Земский собор, хотя бояре, имевшие виды на престол, и соперничали между собой.

Выработали компромиссное решение, позволявшее вроде бы удовлетворить всех и в то же время замирился с поляками. Постановили пригласить на трон сына Сигизмунда III Владислава, но с обязательными условиями: принять православие, править по русским законам, дабы он стал не чужеземным ставленником, а нашим царем.

К Сигизмунду выехало посольство от Собора — 293 делегата от 40 городов во главе с митрополитом Филаретом Романовым и боярином Василием Голицыным. Паны, однако, лишь посмеялись над такими претензиями. Они уже считали себя победителями, настаивали на полной капитуляции. Невзирая на угрозы, послы твердо отказались, тогда знатных делегатов объявили пленниками, а «черную» часть посольства просто-напросто перебили. Это на Руси они были полномочными народными представителями, а в «цивилизованной» Европе с простолюдинами никто не считался, их жизни ничего не стоили.

ФОТО: ВЛАДИМИР СМЕРНОВ/ТАСС

Костромской Ипатьевский монастырь

ЦАРЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ, РИСУНОК XVII В.

ФОТО: ПАВЕЛ БАЛЛАБАНОВИЧ / НОВОСТИ

Казалось, Россия и впрямь погибла. В Москве уже расположился польский гарнизон. Не осталось ни царя, ни правительства, ни армии. Однако система земской монархии Ивана Грозного проявила удивительную жизнеспособность. Вся вертикаль власти оказалась разрушенной, но горизонтальные структуры самоуправления сохранились. Они начали действовать самостоятельно, чтобы освободить Родину и самим, снизу, восстановить государственное управление.

Возвания патриарха Гермогена Троице-Сергиева монастыря с призывами к борьбе зачитывали по городам в земских избах. Размножались эти документы и рассылали дальше штатные земские писари. Кузьма Минин и другие старосты (тоже земские) звали

земляков на сходы, где, обсудив тяжелое положение, сообща решили: собирать деньги, формировать ополчения.

Земский собор для избрания нового царя Дмитрий Пожарский с Мининым изначально намеряли провести еще летом 1612 года, в Ярославле. Планировали сперва утвердить государя, сплотить вокруг него Русь, а уж потом идти освобождать Москву. Но это оказалось совсем не просто. Новгород, оккупированный шведами, направил к Пожарскому послов, требуя признать царем швейского принца Карла Филиппа. Вновь начала играть в самостоятельность Казань. В Первом ополчении, стоявшем под Москвой, мутил воду атаман Заруцкий, который желал посадить на престол «воренка» — сына Марины Мнишек. Накануне

решающих боев вместо сплочения мог получиться новый раскол.

Собор сочли за лучшее отложить. В битве на окраинах столицы первым делом разгромили войско Ходкевича. После осады ворвались с Казанской иконой Божией Матери на стены города, заставив сдаться остатки польского гарнизона. Как выяснилось — очень вовремя: к Москве уже шел с армией король Сигизмунд. Только теперь он вспомнил об условиях, которые ему предлагались прежде, и соизволил объявить, что пришел дать русским на царствование Владислава. Переговоры с поляками наши соотечественники отвергли. В конце ноября в боях под Волоколамском король заставил убраться восвояси. Лишь после этого стало возможно скликать делегатов на Собор.

Земское правительство, действовавшее в ополчении, разослало предписания: направлять выборных от всех городов и сословий — бояр, дворян, духовенства, посадских (горожан), стрельцов, казаков, свободных крестьян (черносошных и дворцовых). Для каждого уезда были выработаны разрядки. К примеру, двиняне обязывались прислать 20 человек от посадских и крестьян, пять — от служилых и пять — от духовенства. Прибывать надлежало с наказаниями сограждан, чтобы говорить о царском избрании «вольно и бесстрашно». Всего съехалось свыше 800 представителей от 58 городов («город» в данном случае означал и уезд, центром которого являлся).

Наши предки были мудрыми людьми. На Соборе встретились те, кто сражался среди повстанцев Болотникова и под знаменами Лжедмитриев, а также их противники. Еще вчера они шли брат на брата, захватывали, жгли, разоряли друг у друга города и деревни. Но сейчас отказались от сведения счетов, выяснений, кто прав, кто виноват. Признали, что неправы

были все, а кто больше, кто меньше — только Богу известно. И совместно покаялись. Собор открылся 16 января 1613 года — после общего трехдневного строгого поста и молебнов, чтобы Господь простил грехи Русской земли и вразумил делегатов сделать правильный выбор.

Имя 16-летнего Михаила Романа зазвучало сразу же, причем со стороны «черной» части Собора и вовсе не по причине знатности претендента. Самыми родовитыми боярами в это время были Мстиславские, в их жилах текла кровь и Рюриковичей, и польско-литовских королей Гедиминовичей. От Рюрика вели свое происхождение и все потомки удельных князей, но только не Романовы. Решающий критерий был другой — близость к прежней династии. Михаил приходился двоюродным внуком Ивану Грозному по линии его первой жены Анастасии и двоюродным племянником Федору Иоанновичу. Именно это стало притягательным для простых людей.

А вот бояре выступили резко против Михаила. Его не хотел видеть на троне даже дядя, Иван Романов-Каша. Аристократия тем не менее не смогла выставить альтернативную фигуру из собственной среды. Кто-то из возможных претендентов погиб, кто-то находился в плену или дискредитировал себя связями с интервентами. Знать ухватилась за кандидатуру шведского Карла Филиппа. Тут уж возмутились служилые, казаки: одних чужеземцев еле выгнали и что теперь, звать других? Страсти накалились. Пользуясь ситуацией, объявились сторонники новых кандидатов — Трубецкого, Черкасского, Воротынского, «воренка».

Возникшие шатания и разброд Собор преодолел беспрецедентным образом — большинством голосов отправил всех бояр... «на богомолье». Без них было приня-

ФОТО: АЛЕКСАНДР ПОЛЯКОВ/РИА НОВОСТИ

Венец, скипетр и держава «Большого наряда» царя Михаила Федоровича

ФОТО: НИКОЛАЙ МОШКОВИТАР-ТАСС

Иконостас Троицкого храма Ипатьевского монастыря

то первое общее постановление: не искать на царство чужеземцев и самозванцев. В результате для Романовых открылась прямая дорога к престолу. Роль их предвыборного штаба играло подворье Троице-Сергиева монастыря. Здесь собирались «многие дворяне и дети боярские и гости многих разных городов и атаманы и казаки». Сюда же потянулась и часть аристократов — Черкасские, Лобановы, Троекуровы, Вешняковы, Шереметевы.

После раздоров Смуты Михаил Романов устраивал всех еще и потому, что не принадлежал ни к одному лагерю, ни с кем не имел личных счетов. Его отец Филарет снискал огромный авторитет у патриотов своей мужественной позицией в посольстве к Сигизмунду, отказом принять капитуляцию. В феврале на заседании Собора первую «выпись» с предложением Михаила на царство подал от Дона атаман Филат Межаков. За ним с аналогичными инициативами выступили служилые города Галича, келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, калужский купец Судовщиков. Это была предварительная фаза избрания. Делегатов распустили на две недели — проведать, поддержит ли их выбор «вся земля».

Следующее заседание открылось 3 марта. Бояре вновь стали противиться, пробовали вернуться к кандидатурам иностранных принцев, требовали отложить решение, привезти и представить пред их очами Михаила лично. Но «черная» часть делегатов забушевала, заявила: хватит тянуть и интриговать. Окончательное обсуждение вынесли на Красную площадь, где собрались толпы народа, казаки, дворяне, они единодушно одобрили избрание Романова. И здесь боярам пришлось помалкивать — из соображений собственной безопасности.

Когда известия о случившемся дошли до Речи Посполитой,

К. ЛЕБЕДЕВ. «ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА РОМАНОВА В 1613 ГОДУ». 1912.

Для возведения Михаила Федоровича на трон объединили свои усилия воинское сословие, ремесленники, крестьяне, купцы, Церковь — те, кто как раз и составлял «всю землю»

канцлер Сапега озлобленно бросил пленному Филарету: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки донцы!» Это было неправдой. Для возведения Михаила Федоровича на трон объединили свои усилия воинское сословие, ремесленники, крестьяне, купцы, Церковь — те, кто как раз и составлял «всю землю». А первым пожертвовал жизнью за нового царя простой крестьянин Иван Сусанин. Он завел в лесную глухомань отряд поляков, услышавших об избрании и замышлявших выкрасть или убить нового государя.

405 лет назад, 24 марта 1613 года, в костромской Ипатьевский монастырь, где находился Миха-

ил Романов, прибыла делегация Земского собора во главе с рязанским архиепископом Феодоритом — звать на царство. Кстати, право избирать монархов даже и не снилось ни членам французских Генеральных штатов, ни представителям британского парламента. В России, как видим, Соборы пользовались этой привилегией неоднократно. Про Михаила говорили, что он избран Богом и людьми: Господь связал оборвавшуюся династию с новой, а народ сумел воспринять и исполнить Его волю.

Семья Романовых продолжила линию предшественников на престоле. По-прежнему опираясь на «всю землю», быстро сумела вывести страну из разрухи. Энергично укрепляла, благоустраивала. Создала великую Российскую империю, раскинувшуюся от Балтики до Тихого океана. Добилась высочайшего процветания и могущества. По мере возможности обеспечивала подданным мир, спокойствие и надежную защиту, сокращая любых врагов. Оборвать эту череду успехов, как и саму династию, смогли только в годы следующей смуты.

Добрый памятник поставлен двум героям всей страной

С 30 января этого года в Государственном историческом музее действует выставка, посвященная знаменитому на весь мир произведению Ивана Мартоса. 200 лет назад близ Кремля был воздвигнут величественный парный монумент этого скульптора в честь Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Юбилейная экспозиция представляет старинные гравюры и фотографии с его изображением, а также миниатюрные копии.

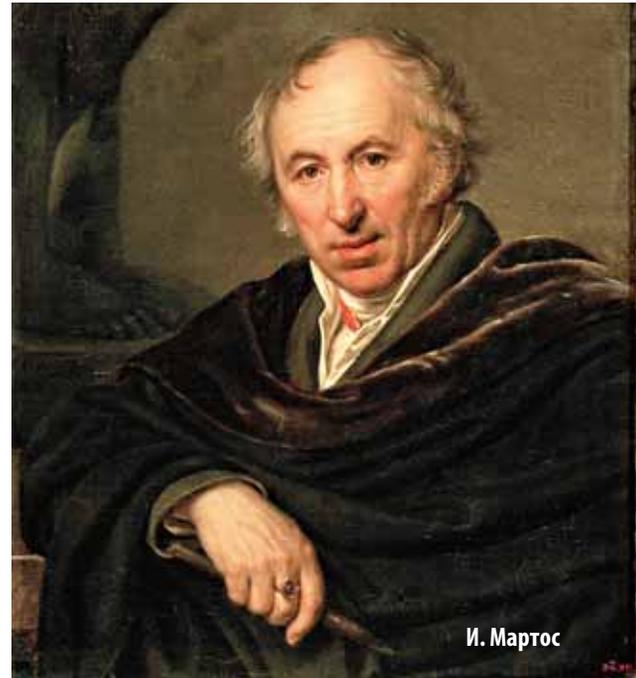
Ольга Марьяновская

ПОДПИСЬ на главной скульптурной композиции вся Русь лаконична и понятна для каждого: «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Идея о создании такого памятника возникла в начале XIX века в кругу просвещенных патриотов России и была горячо поддержана императором и народом. Выдающийся ваятель трудился в тяжелые дни Отечественной войны 1812 года. Памятник на все последующие эпохи стал символом национального единства, доблести русского воинства, одной из основных достопримечательностей древней столицы.

Земский староста из Нижнего Новгорода, купец Кузьма Минин во время Смуты организовал сбор средств на содержание Второго ополчения, пожертвовал на великое дело все свои сбережения. А возглавил народную армию талантливый военачальник, князь Дмитрий Пожарский. Ополченцы выступили в поход в конце зимы 1612 года, прошли по Волге до Ярославля, а далее двинули на Москву. На подступах к столице разгромили интервентов и с боями вошли в город. После ожесточенных сражений 1 ноября (22 октября) польский гарнизон, засевший в Кремле, сдался и покинул крепость. Эти славные страницы истории Отечества всегда будут памятны и поучительны. Не случайно спустя двести лет, в момент новой смертельной опасности, грозящей на сей раз со стороны наполеоновских полчищ, в народе возникло желание увековечить память героев-предшественников.

Предложение о создании произведений искусства, воспевающих подвиг Минина и Пожарского, впервые прозвучало в 1802 году в стенах Императорской Академии художеств, а инициатором возведения большой скульптуры выступил — на заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, в феврале 1803-го — литератор Василий Попугаев. Уже в 1804-м в специальном издании «Твердость духа Русских» появилось сообщение о том, что Иван Мартос сделал первую модель будущего памятника. Следующие несколько лет мастер совершенствовал композицию, трудился над эскизами. Окончательный вариант был утвержден после победы в конкурсе, в ноябре 1808-го. Тогда же по указу императора Александра I приступили к сбору денег на сооружение монумента.

Первоначально его планировали воздвигнуть в Нижнем Новгороде, но позднее все же решили установить в Москве. К работе над скульптурой Иван Петрович приступил в 1812 году. Будучи убежденным классицистом, он умел сочетать собственную увлечен-

ность античностью с национальным характером. Минин одет в русский костюм, рядом с Пожарским лежит островерхий шлем. Одной рукой полководец опирается о щит с ликом Спаса. Герои исполнены недюжинной силы и мужества, композиция предельно проста и выразительна.

Постамент из красного гранита украшен двумя горельефами. На одном из них воины под командованием Пожарского изгоняют поляков из Москвы. На втором — нижегородцы несут пожертвования на нужды ополчения. Среди них скульптор изобразил самого себя, отправляющего сыновей на службу Родине, и этим подчеркнул прямую историческую связь с событиями 1812 года. Старший сын ваятеля участвовал в сражении на Березине, младший — талантливый скульптор и архитектор — погиб от рук наполеоновских солдат во время «пензионерской поездки» в Европу. Отливку из бронзы осуществил в 1816-м Василий Екимов. Из Петербурга в Белокаменную монумент везли вместе с постаментом по недавно построенной Мариинской водной магистрали, соединившей Балтику с Волжским бассейном. Место установки напротив Кремля, рядом с торговыми рядами, определил сам автор. Торжественное открытие состоялось 4 марта 1818 года в присутствии императора Александра I, при большом стечении народа — ведь это был первый скульптурный памятник в Первопрестольной.

Образы героев оказались очень близки русским людям, вдохновляли многие поколения соотечественни-

ков на ратные подвиги. В начале Великой Отечественной, когда враг рвался к Москве, в СССР вышел плакат «Наши силы неисчислимы» с изображением партизана на фоне уже ставшего знаковым монумента. В разговоре с корреспондентом «Своего» заместитель директора ГИМ Андрей Яновский специально отметил:

— Даже в послереволюционные годы, в период массового уничтожения художественных ценностей, власти сочли необходимым его сохранить. Лишь передвинули в 1931 году на новое место, к храму Василия Блаженного. В наши дни скульптура стала эмблемой возрожденного Российского исторического общества. Ее изображения есть во всех книгах о Москве, путеводителях по столице, на марках, монетах, сувенирах, значках...

Сейчас решается вопрос о реставрации памятника, и очень важно в этот ответственный момент прислушаться к мнению авторитетных специалистов. Народный художник России, академик, скульптор Александр Рукавишников считает:

— В реставрации нет необходимости. Не нужно уничтожать прекрасную вековую патину и превращать скульптуру в начищенный самовар. В XIX веке все делали на совесть, и даже если теперь в металле появилась небольшая трещина, то лично я не вижу в этом ничего страшного. В мировой и отечественной практике известно много примеров неудачной реставрации знаменитых произведений искусства. Лучше этот старейший и главный памятник Москвы не трогать, сохранить в первоизданном виде.

Философ о философе

«Всякая революция есть плебейство»

Олег Ермишин, доктор философских наук

До недавнего времени Владимир Ильин — в отличие от коллеги-однофамильца — был малоизвестен для широкой читающей публики. Покинувший Россию в 1919-м доцент парижского Свято-Сергиевского института он в среде русских эмигрантов прославился как талантливый богослов и публицист. Часть его сочинений вышла уже после смерти, другая осталась неопубликованной и сохранилась в личном архиве. Пора бы уже открыть эти рукописи, воссоздав целостный образ мыслителя, который поражал современников удивительной гаммой самых разных интересов и глубиной познаний.

ИЛЬИН РОДИЛСЯ 28 августа 1890 года в родовом имении неподалеку от Киева. Утро жизни много позже описал в своих воспоминаниях: «Сумерки, полумрак «большой комнаты», слабая звездочка ночника, едва брезжащая искорка сознания и образ матери — в этом есть символ метафизики начала человеческого существования, той самой экзистенции, которую ныне философы ставят во главу угла мирозерцания».

Обладая вполне философским складом ума, он далеко не сразу становится профессиональным «любомудром». По выходе из гимназии сначала обучается на физико-математическом факультете Киевского университета (оканчивает в 1913-м) и только спустя несколько лет, в 1917 году, получает философское образование. В 1918-м трудится в альма-матер в должности приват-доцента. В начале 1919-го уезжает в Одессу, а затем навсегда покидает Родину.

1910-е, прожитые в Киеве, на взгляды и дальнейшую судьбу будущего ученого повлияли, надо полагать, очень сильно. В этом городе в тот период происходили многие ключевые для нашей истории события: убийство Столыпина и пресловутое «дело Бейлиса», громкие выступления по различным политическим вопросам известнейших, авторитетных монархистов Василия Шульгина, Ивана Сикорского (отца выдающегося авиаконструктора) и других, всплески первых волн украинского сепаратизма...

Первые годы эмиграции Владимир Ильин проводит в Турции, в Стамбуле. В 1923-м при поддержке Американского византийского общества перебирается в Берлин, где учится на богословском факультете и одновременно преподает в Русском научном институте логику и психологию. В 1925-м, уже в Париже, начинает читать лекции по литургике и истории средневековой философии в Свято-Сергиевском православном институте. Сближается с Петром Сувчинским и его евразийской группой, участвует в Парижском евразийском семинаре, публикует свои работы в сборнике «Россия и латинство», а также в «Евразийском временнике» и «Евразийской хронике». Постоянно общается с о. Сергием Булгаковым (тот становится его духовником) и Николаем Бердяевым. Последний редактирует журнал «Путь», для которого Ильин пишет статьи философского и теологического толка.

В. Ильин

Ильин не просто описывает национальную культуру, а выступает, по сути, ее апологетом, защищает от западных шовинистов, принижая значение любой отличной от их цивилизации, и большевистских идеологов, утверждающих право на существование исключительно «пролеткульта»

С 1925-го по 1930-й издательство «Имка-Пресс» («УМСА-Press») выпускает пять его книг: «Преподобный Серафим Саровский» (1925), «Запечатленный гроб. Пасха негленная» (1926), «Загадка жизни и происхождение живых существ» (1929), «Всенощное бдение» (1930), «Шесть дней творения» (1930). В них преобладает тематика, связанная с литургическим богословием и апологетикой.

Далее его академическая деятельность терпит, по мнению са-

мого Ильина, полное фиаско. Труд преподавателей Свято-Сергиевского института оплачивался скудно. Необходимость содержать семью и детей вынудила прибегнуть к публицистике, сотрудничать с общественно-политическими газетами и журналами.

В 1935-м происходит резкий разрыв в отношениях между ним и Бердяевым. Роковую роль тут играет статья, в которой Владимир Ильин резко критикует своего приятеля и коллегу за «люциферическую гордыню», «влюбленность в марксистскую диалектику», «попытки сочетать христианство с марксизмом». Потом он сожалеет о спровоцированной им ссоре, пишет покаянное письмо тому, кого обидел, но и в этом послании не может воздержаться от упреков: «Для меня до сих пор остается мучительной загадкой... как Вы, аристократ из аристократов, могли сблизиться с Чернышевскими, Писаревыми, Белинскими и их нынешними эпигонами... Как Вы не учуяли (или не захотели почувствовать), что все «плебейство» нынешней эпохи, которое Вы так чудно изобразили в своей последней книге, всецело и изначально революционного происхождения, ибо всякое плебейство — революционно и всякая революция есть плебейство, не могущее простить ценностям их изначально иерархического аристократизма».

В 1940 году, после начала немецкой оккупации Франции, приостанавливает свою деятельность Свято-Сергиевский православный богословский институт. Для Ильина и его семьи наступают крайне трудные времена. За время войны полоса отчуждения вокруг него разрастается. По окончании Второй мировой в адрес Владимира Николаевича выдвигаются обвинения в коллаборационизме, в сотрудничестве с прогерманским «Управлением делами русской эмиграции во Франции». Его привлекают к судебному рассле-

дованию, в результате которого полностью оправдывают. Однако тень клеветы еще долго преследует философа. В письме к Роману Гулю он описывает это так: «Семью мне удалось спасти, но сам я «попался», был арестован и отправлен в Германию, где меня прикомандировали к славянскому отделу университетской библиотеки под начало двух профессоров-славистов — Фассмера и Юберсбергера... С их помощью и при протекции фрау Фохт, православной немки, я получил свидетельство об опасной болезни и необходимости лечиться во Франции на водах. Я вернулся во Францию... Как только Париж был освобожден, мои враги в институте донесли на меня французским законным властям как на германофила, и я был неоднократно допрашиваем военно-судебными властями, к счастью, оказавшимися очень гуманными, понятливыми и мигом разобравшимися, в чем дело. Судебный следователь во время последнего допроса, после которого мне было вручено свидетельство об отсутствии состава преступления, выразил негодование по адресу моих прежних коллег и удивление по поводу того, что русские эмигранты так некорректны в отношении друг друга».

С 1945 года преподает во Французском православном институте св. Дионисия, где читает лекции по литургике, философии, логике и методологии наук. В конце 1940-х — начале 1950-х он помимо всего прочего — профессор по классу церковной композиции в Русской консерватории в Париже. В 1957–1971 годах на страницах журнала «Возрождение» публикует десятки статей. Однако большая часть его работ в послевоенный период пишется «в стол», попытки предложить свои книги разным издательствам тщетны. Среди сохранившихся в личном архиве Ильина рукописей значительную долю составляет «трилогия» о русской

культуре: цикл исследований о науке, музыке и философии.

Он не просто описывает национальную культуру, а выступает, по сути, ее апологетом, защищает от западных шовинистов, принижающих значение любой отличной от их цивилизации, и большевистских идеологов, утверждающих право на существование исключитель-

основанием для травли в революционно-демократической прессе или причиной для полного забвения в советской историографии. Такую же реакцию вызывает у него правило приписывать все великие изобретения западным ученым, замалчивать русских гениев, которые раньше европейцев и американцев (или одновременно с ними) делали

Среди преподавателей парижского Свято-Сергиевского института. Второй слева

Русские богословы в Париже. Кадр из документального фильма «Сергиевская горка»

но «пролеткульта». Главный метод ильинской апологетики основан на всестороннем рассказе о достижениях наших ученых, музыкантов, мыслителей.

В книге «Русская наука» (первые издана в 2017-м) Владимир Николаевич возмущается тем, что консервативные, монархические, антиреволюционные взгляды лучших российских умов становились

те же открытия. Для Ильина наука развивается по законам истории, но ее плоды — вне времени и политики.

Его концепцию русской культуры завершает исследование философии. Показав, как из первой рождается вторая, мыслитель подчеркивал: наше культурное развитие достигло высшей точки в XIX — начале XX века, при этом одновре-

менно в трех сферах — научной, музыкальной и философской (или, по определению Ильина, «литературно-философско-миросозерцательной»). Вышеупомянутая «трилогия» и другие рукописные работы, сохранившиеся в архиве, дают практически полное представление о том, чем он занимался на закате дней.

Неизданные при жизни рукописи начали выходить уже вскоре после его смерти. Благодаря усилиям вдовы философа Веры Николаевны были напечатаны книги «Арфа Давида. Религиозно-философские мотивы русской литературы» (Сан-Франциско, 1980), «Религия революции и гибель культуры» (Париж, 1987). Последняя заслуживает особого внимания, поскольку в ней выражена консервативная позиция, которой он, не будучи политиком, был верен практически неизменно. Выдвигая тезис «Революция есть насильственный обрыв культуры», автор старается всесторонне его обосновать. По мнению Ильина, революционная диктатура не терпит ни свободы, ни конкуренции, стремится уничтожить выдающихся и творчески мыслящих людей. Революция знаменует собой

подрыв мироздания, замену художника на инженера и строителя, действующих строго по государственным предписаниям.

Ситуацию, которая сложилась в России после 1917 года, он, называя «голгофой культуры», характеризует так: «На алтаре революционного Молоха сожжены бесчисленные и несметные культурные ценности, закланы миллионы человеческих жертв, и дым этого жертвоприношения раз навсегда замутил сознание и совесть революционных жрецов».

Русской культуре противопоставили культ революции. Его адепты

чаяли переделать несовершенную жизнь и становились идеологическими маньяками, с безграничным оптимизмом верившими в утопию, нарисованную в их воображении.

Революционер, этот «фарисей-утопист», ведет свою войну против традиционной религии и естественной красоты бытия во имя этики объединенного коллектива, в которой нивелируется отдельная человеческая душа. Вместо глубоких чувств и мыслей, пусть и ведущих нередко к личной трагедии, предлагается обезличенное, серое существование, лишенное страда-

ний, любви и радости. Итогом становится скука, против которой замечательный богослов направляет весь свой критический пафос, провозглашая в качестве альтернативы извечные христианские принципы.

«Мы обязаны «мыслить до конца», хотя бы это и приводило нас к великой скорби. «Кто умножает познание, тот умножает скорбь», — говорит автор Екклесиаста. И так оно должно быть. Если мир трагичен, то и мысль о мире тоже трагична и скорбна. Философия не шутка и тяжким бременем ложится на плечи того, кто занимается ею», — эта цитата наилучшим образом подходит к общей характеристике Владимира Ильина, человека со сложным и противоречивым характером, однако искреннего, взыскающего истины. Неприемлемый для либералов и демократов, он, участник евразийского движения и сотрудник Религиозно-философской академии, не был принят и в среде монархической эмиграции. Не примкнув ни к одному из политических лагерей, остался верен лишь самому себе, православным идеалам и личному убеждению в том, что красота и творчество всецело оправдывают человеческое существование.

Имена и даты

ПЛАКАТ: Ю. ДЕЙКИН

Обелиск освободителям Ржева. Барельеф на постаменте

2 марта

105 лет назад в России впервые прошел Международный женский день

ВОСЬМОГО марта этот праздник стал отмечаться у нас уже при советской власти. А прежде и в России, и в остальном мире дата была «плавающей». Среди соотечественниц почин в этом деле взяли на себя в 1913 году жительницы тогдашней столицы.

Вот что по этому поводу сообщал «Петербургский листок»: «Состоялся впервые организованный по иностранным примерам женский день. Как и за границей, день был устроен главным образом представителями рабочих организаций. Никаких выступлений на улицах не было. Было лишь устроено «утро» в большом зале Калашниковской хлебной биржи. Наплыв публики был очень значительным: собралось более тысячи представительниц рабочих слоев столицы, интеллигенция почти полностью отсутствовала. Е. Кувшинская, читавшая доклад о международном

женском дне, была остановлена за резкое выражение представителем полиции. Говорили еще Янчевская, Дикштейн, Гуревич и др. Было оглашено заявление, единодушно одобренное всей аудиторией, о необходимости предоставления женщине политических и социальных прав как матери и хозяйке дома, как видной деятельнице в промышленности, торговле и земледелии». В заметке, как видим, не упомянуты легендарные Клара Цеткин и Роза Люксембург. Однако об их деятельности российские сторонницы расширения прав женщин были очень хорошо осведомлены. Сегодня день 8 Марта в России не предполагает никакой политики, он просто посвящен Женщине.

3 марта

75 лет назад Красная армия освободила от фашистской оккупации Ржев

НЕМЦЫ взяли этот город в середине октября 1941-го и с той поры 17 месяцев удерживали его (вместе

с территорией размером порядка полумиллиона квадратных километров). К моменту освобождения Ржева враг уже давно был отброшен от подступов к Москве. Отстоявшие столицу советские войска с конца зимы 1941–1942-го вели контрнаступление, однако Ржевско-Вяземский плацдарм преодолеть никак не удавалось. Длительная битва, вместившая в себя несколько наступательных операций, привела к потерям с нашей стороны, которые превосходят «урон в живой силе», понесенный под Сталинградом. Поля подо Ржевом и Вязьмой сплошь усеяны русскими костями.

В послевоенные годы о тех сражениях не принято было вспоминать. Первым о событиях тех лет написал Александр Твардовский в одном из самых известных своих стихотворений: «Я убит подо Ржевом, в безымянном болоте, в пятой роте, на левом, при жестоком налете. Я не слышал разрыва и не видел той вспышки, — точно в пропасть с обрыва — и ни дна, ни pokrышки. И во всем этом мире до конца его дней — ни петлички, ни лычки с гимнастерки моей...»

3 марта

**100 лет назад в газете
«Знамя труда» была
впервые опубликована
поэма Александра Блока
«Двенадцать»**

ПРОИЗВЕДЕНИЕ, напечатанное в газете левых эсеров, практически сразу было растащено на цитаты. Многие и сегодня помнят самые хлесткие: «Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!»; «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем»; «Гетры серые носила, шоколад Миньон жрала. С юнкерьем гулять ходила — с солдатьем теперь пошла?»; «Стоит буржуй, как пес голодный, стоит безмолвный, как вопрос. И старый мир, как пес безродный, стоит за ним, поджавши хвост». Ну а самое крылатое двестише — «В белом венчике из роз — впереди — Иисус Христос» — памятно даже тем, кто об этой поэме имеет весьма поверхностное представление.

Среди множества мнений о «Двенадцати» есть и такое: Александр Блок, поминая всуе Спасителя, «изъял» одну букву (Он, как все знают, Иисус) не просто так, не ради стройности ритма. По христианским канонам подобное недопустимо; произвольное написание сакрального имени может свидетельствовать о том, что поэму надиктовывал нашему гению... отец лжи и враг рода человеческого;

именно он, сопровождаемый «апостолами», правил бал в охваченном революционной смутой Петрограде. Предположение, конечно, интересное, однако научной верификации заведомо не подлежит.

7 марта

**140 лет со дня рождения
Бориса Кустодиева**

МАЛО КТО в мире изобразительного искусства провоцировал столько споров и противоречивых оценок, сколько этот живописец. Поклонники называли его «русским Рубенсом», воспевавшим великую женскую красоту. Наибольшую популярность ему принесли пышущие здоровьем купеческие жены и дочери, а также другие, по преимуществу пышнотельные, русские красавицы.

По мнению знатоков, главная художественная концепция Кустодиева — «сон о небывалой России», где дородные женщины символизируют гармонию, покой и уют национального быта. Одно из его полотен очаровало некоего митрополита, который признавался: «Видимо, диавол водил дерзкой рукой художника, когда он писал свою «Красавицу», ибо смутил он навек покой мой. Узрел я ее прелесть и ласковость и забыл посты и бдения. Иду в монастырь, где и буду замаливать грехи свои». А искусствоведы видели в этой работе «и любованье, и эротику, и иронию».

11 марта

**200 лет со дня рождения
Мариуса Петипа**

ФРАНЦУЗ, рожденный в семье танцовщиков, сделал русский балет лучшим в мире. Приглашение от руководства Большого театра Санкт-Петербурга Петипа принял не раздумывая, так как считал Россию единственной страной, где развитие классического танца идет в правильном направлении. В родной Франции на тот момент он превратился в собрание акробатических трюков и прочих новаторств.

В первый же год работы балетмейстер ставит в петербургском Большом «Пахиту», где выступает и как танцовщик. Прибывший на премьеру император Николай I был настолько впечатлен, что спустя несколько дней преподнес постановщику драгоценный перстень.

Всего Петипа подарил нашей стране около 70 спектаклей, причем более половины из них — оригинальные. Практически все они имели оглушительный успех. Ведь их автор считал, что каждую постановку зритель должен воспринимать как «великолепное зрелище». И для всякого героя находил «своего» исполнителя.

В мемуарах он писал, что Россия стала для него второй родиной. А в истории отечественного балета целый период назван его именем — эпохой Петипа.

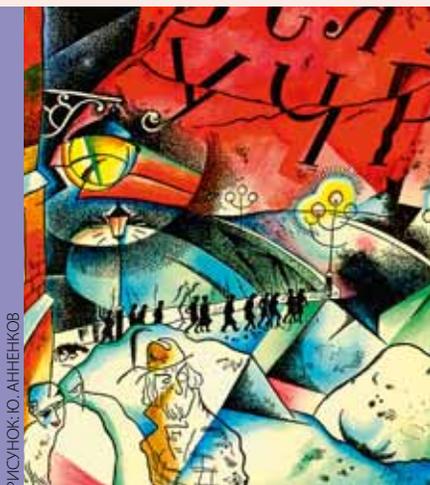

РИСУНОК: Ю. АННЕНКОВ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Борис Кустодиев

ФОТО: ВИТАЛИЙ КАРГОВ/РИА НОВОСТИ

Мариус Петипа

Антон Макаренко

13 марта

**130 лет со дня рождения
Антон Макаренко**

ЕГО АВТОРСКАЯ методика в 1920-е творила настоящие чудеса. Беспорядочники и малолетние преступники не просто перевоспитывались, а становились личностями — выдающимися инженерами, актерами, учителями, военными...

Он учил воспитанников самому главному — принимать решения, осознавая их последствия, думать и действовать, не дожидаясь того, что кто-то это сделает за тебя. Быт, труд и досуг ребят определялись коллективным выбором, голосованием. Не считаться с волей собрания там не мог ни один педагог. Антон Семенович придерживался нестандартного мнения: школа — не подготовительный этап к жизни, а сама жизнь, а значит, детей следует считать полноправными гражданами, заслуживающими всяческого уважения. «Любовь нужна требовательная», — говорил он.

По Макаренко дисциплина — это не средство, не метод воспитания, а результат:

«Наша задача воспитывать правильные привычки, такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому что мы так привыкли».

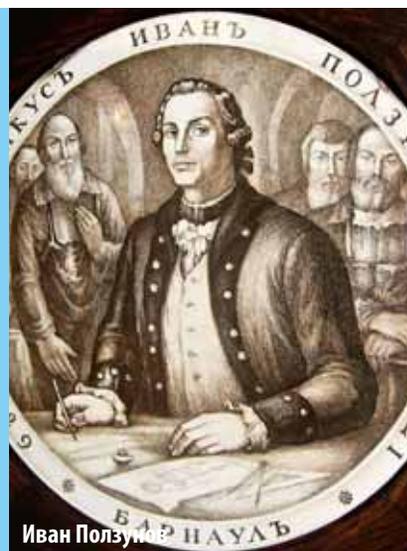

13 марта

**80 лет назад советская власть
приняла постановление
«Об обязательном изучении
русского языка в школах
национальных республик
и областей»**

В ДОКУМЕНТЕ, который как будто и сейчас звучит актуально, в частности, говорилось: «Преподавание русского языка в школах национальных республик и областей поставлено неудовлетворительно. Одной из основных причин такого положения в деле изучения русского языка являлась подрывная работа контрреволюционных троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов, пролезших в отдельные звенья партийного, советского аппарата и в органы народного образования, направленная к тому, чтобы сорвать проведение ленинско-сталинской национальной политики и подорвать братское единство народов СССР с русским народом».

Был взят курс на умеренную русификацию территорий Советского Союза, в которых прежде проводилась противоположная, по сути, политика. После затеянной в 1920-е так называемой коренизации в национальных республиках и областях власти вели себя по отношению к

Иван Ползунов

14 марта

**290 лет со дня рождения
Ивана Ползунова**

БУДУЩИЙ великий изобретатель начинал свою деятельность в качестве ученика механика в Горнозаводской школе при металлургическом заводе в Екатеринбурге. Затем талантливый юношу перевели на алтайские Кольвано-Воскресенские заводы. Девятнадцатилетний Ползунов стал гиттеншрейбером — смотрителем при плавильных печах.

Жадный до знаний, он самостоятельно изучал книги по металлургии и минералогии. А в апреле 1763 года положил на стол начальника завода свой проект первого в мире двигателя с работой двух цилиндров на один общий вал, что позволяло обходиться без гидравлического привода.

С ноу-хау ознакомили Екатерину II, и она пожаловала изобретателя в «ме-

ханикусы» с чином инженерного капитан-поручика. Однако государственной поддержки инновационная разработка не получила.

И все-таки Ползунов сумел убедить руководство завода в целесообразности строительства двигателя. Почти невозможное (в тогдашних производственных условиях) осуществилось. На изготовление деталей ушел год. Для сборки машины соорудили сарай высотой с трехэтажный дом. Там Ползунов, больной чахоткой, — чрезвычайно напряжение сил подорвало его здоровье, — пропадал целыми днями. Домой возвращался затемно. А утром, невзирая на уговоры и слезы жены, снова спешил к своему детищу. Собрать успел, но до пуска не дожид.

Машину опробовали в действии уже после смерти Ивана Ивановича, в конце мая 1766-го. И, несмотря на отличные результаты, решили, что в дальнейшем «пускать ее в действо, по избылику в здешнем заводе воды, за нужно не признается». А в 1784 году Джеймс Уатт получил патент на универсальный тепловой двигатель, завоевавший вскорее всемирное признание.

16 марта

215 лет со дня рождения Николая Языкова

ОН НАЗЫВАЛ себя «поэтом радости и хмеля», а также «разгула и свободы». Современники дополняли это определение схожими эпитетами. Прочитав его первый поэтический сборник, Пушкин в беседе с Гоголем отметил: «Человек с обыкновенными силами ничего не сделает подобного; тут потребно буйство сил». Подобная характеристика в пору, которую другой классик именовал «поэтической Элладой», дорогого стоит.

В отзывах современников о Николае Языкове повторяется чаще всего именно слово «сила». Она ощущается, зву-

чит едва ли не в каждой его строке. Эту поэзию отличают словесное великолепие, яркость, порывистая непосредственность и то, что Пушкин называл «упоеанием в бою». Замечательные стихотворные произведения Языков продолжал писать даже будучи смертельно больным.

«Все стихи его, вместе взятые, — отмечал Иван Киреевский, — кажутся искрами одного огня, блестящими отрывками одной поэмы, недосказанной, разорванной, но которой целостность и стройность понятны из частей».

17 марта

110 лет со дня рождения Бориса Полевого

ЭТОТ прозаик, журналист, Герой Социалистического Труда, лауреат двух Сталинских премий два десятилетия возглавлял популярный советский журнал «Юность». А в годы войны, с первых ее дней и до самой Победы, находился в действующей армии, на самых опасных участках.

«Мы с Борисом Полевым, два правдиста, на «эмке» добираемся до передовой, — вспоминал Вадим Кожевников. — Солдаты, офицеры, генералы обычно узнавали Полевого и, что там говорить, очень радовались, что Полевой напишет о них и напишет хорошо, и они прочитают, если, конечно, и они, и он, военный корреспондент, останутся живы».

В рассказе «Последний день Матвея Кузьмина» Борис Николаевич первым среди отечественных литераторов написал о 83-летнем крестьянине из Псковской области, повторившем подвиг Ивана Сусанина. А в главной книге своей жизни впервые назвал советского героя, легендарного летчика Алексея Маресьева, «настоящим человеком». Немудреное, казалось бы, выражение очень быстро стало крылатым и любимым в народе.

Николай Языков

Борис Полевой

Литфонд

ФОТО: ИТАР-ТАСС
Горький —

М. Горький на теплоходе «Жан Жорес». 1933

ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО

Валерий Бурт

Полуторавековой юбилей такого писателя, как Максим Горький, — событие для нашей страны неординарное. Его общенациональное значение как выдающегося прозаика, драматурга, мыслителя, общественного деятеля не подвергалось сомнению ни до 1917-го, ни после Октябрьской революции. Созданные им произведения оставались актуальными весь XX век, не утратили остроты, злободневности, экспрессии и в постсоветскую эпоху.

СТРАСТНЫЕ, порывистые герои его сочинений показаны рельефно, убедительно — ведь они срисованы с натуры. Горький — автор бунтарских гимнов, живописных рассказов, поражающих трагичностью и подспудной мощью социального конфликта пьес, весьма глубоких по замыслу и психологизму романов.

Среди наших классиков он стоит особняком: выходец из простого народа, на собственной шкуре познавший горькую долю человека из низов (отсюда и псевдоним), не получивший хорошего образования, создававший себя сам. Алексей Пешков еще задолго до своего автопереименования жадно интересовался особенностями русского быта, запоем читал, подолгу размышлял. А затем, в течение всей последующей жизни, любил повторять: не пишу, а только учусь писать. При этом многократно номинировался на Нобелевскую премию по литерату-

ре и был, безусловно, ее достоин, но так и не получил.

Алексей Максимович много зарабатывал, однако большую часть средств тратил на единовременные пособия случайным просителям, щедрые пожертвования ближним и дальним, а то и просто незнакомым. «Тут (в его доме. — «Свой») были люди различнейших слоев общества, вплоть до титулованных эмигрантов, и люди, имевшие к нему самое разнообразное касательство: от родственников и свойственников — до таких, которых он никогда в глаза не видал, — свидетельствовал Владислав Ходасевич в очерке «Горький». — Целые семьи жили на его счет гораздо привольнее, чем жил он сам. Кроме постоянных пенсионеров, было много случайных; между прочим, время от времени к нему обращались за помощью некоторые эмигрантские писатели. Отказа не получал никто».

Самая известная и наиболее впечатляющая его пьеса — «На дне». Еще в детстве и юности он насмотрелся всяческого зла и горя, нищеты и унижений, воспринял пережитое как урок, назидание: помогай каждому, чем можешь. Его персонажи мечтают о счастье, рассказывают о вымышленном царстве добра, где нет «свинцовых мерзостей жизни».

Горький почти не чувствовал физической боли. Несколько раз пытался покончить с собой, и всякий раз от непоправимого его спасала какая-то неведомая сила. Мог выпить чудовищное количество спиртного и не опьянеть. На закате своих дней устроил среди домочадцев голосование: умирать ему или все же не стоит?

На всех портретах он разный — будто менял для неких надобностей внешность. Хотя причина метаморфоз заключена, скорее, в его внутренних превращениях.

Фундамент идеального, существующего лишь в грезах общества милосердия он воздвиг, надо по-

лагать, лишь для себя одного. Помогал людям не только деньгами, но и советами, рекомендациями (в смысле протекций), лекарствами, бумагами на выезд за рубеж, решениями на опубликование... Власти предрешающие к его вескому мнению прислушивались — и при самодержавии, и при диктатуре пролетариата. Владельцы высоких кабинетов порой сердито ворчали, недовольно косились в сторону настырного — высокого, басовитого, стриженного под «бобрик», с обвислыми, густыми усами — ходатая, однако отказать ему, как правило, не решались.

Сам же «буревестник революции» был аскетом, довольствовался малым, что бы ни утверждали

С сыном Максимом. 1899

ФОТО: РИА НОВОСТИ

на сей счет его многочисленные недоброжелатели. Прелестям комфорта и уюта, материального довольства предпочитал творчество, общение, свободное выражение смелых, часто «несвоевременных» мыслей. От последних нередко проистекали его размовки с литераторами, певцами, художниками, политиками. В период первой русской революции Горький дружил с Лениным. Вдвоем они не только размышляли о судьбах России, но и ходили в музеи, театры, играли в шахматы. Будущий «вождь мирового пролетариата» однажды полу-

чил от слывшего сильным игроком Алексея Максимовича мат.

После прихода к власти большевиков их отношения испортились: писатель довольно рьяно критиковал новое руководство страны, а временами и ругал отчаянно. Затем настало примирение, хотя прежней теплоты в отношениях уже не было. Ленин настоятельно советовал ему отбыть на лечение за границу: «Я устал так, что ничегошеньки не могу. А у Вас кровохарканье, и Вы не едете! Это ей-же-ей и бессовестно, и нерасчетливо. В Европе, в хорошей санатории будете и лечиться, и втрое больше дело делать. Ей-ей. А у нас — ни леченья, ни дела, одна суетня, зряшная суетня. Уезжайте, вылечитесь. Не упрямитесь, прошу Вас!»

Горький послушался и уехал. Однако не навсегда, отправился, можно сказать, в длительную творческую командировку. Вдали от Родины написал цикл рассказов, воспоминания «Заметки из дневника» (первоначальное название отличалось большей конкретикой — «Книга о русских людях, какими они были»), роман «Дело Артамоновых», завершил автобиографическую трилогию.

Алексей Максимович не отрезал себя от России, не проклинал и даже почти не ругал правителей, сторонился эмигрантов, политиче-

Л. Толстой и М. Горький в Ясной Поляне. 1900

ФОТО: ИТАР-ТАСС

ской борьбы и скандалов. Он, как и прежде, стремился помогать тем, кто попал в беду, несмотря на то, что его собственные финансовые дела оказались отнюдь не блестящи. Кто-то эту помощь принимал, иные гордо отказывались.

Перед Кремлем не заискивал, в 1922-м выступил против суда над правыми эсерами. Ленин отреагировал в своем стиле: «Я читал поганое письмо Горького. Думал было обругать его в печати, но решил, что, пожалуй, это чересчур».

На смерть вождя революции писатель отозвался в 1924-м очерком-эпитафией. Позабыв былые распри, признавался: «Лично для меня Ленин не только изумительно совершенное воплощение воли, устремленной к цели, которую до него никто из людей не решался практически поставить пред собою, — он для меня один из тех праведников, один из тех чудовищных, полусказочных и неожиданных в русской истории людей воли и таланта, какими были Петр Великий, Михаил Ломоносов, Лев Толстой и прочие этого ряда».

Можно как угодно относиться к этим славословиям в отношении умершего, однако вряд ли они существенно сказались на репутации склонного к гиперболам автора.

Тогда же, в 1920-е, Горький приступил к реализации проекта, обещавшего стать эпохальным. Намекаясь подружить, насколько это вообще было возможно, литераторов-эмигрантов и их советских коллег, стал было издавать журнал «Беседа». Однако тот, едва родившись — вышло семь номеров, — испустил дух. Политбюро ЦК РКП(б) вначале не возражало против распространения этого издания в Советской России, но убедительнее доводов главных партийцев страны оказались аргументы цензора Павла Лебедева-Полянского: «Пропуская в СССР «Беседу», Главлит будет способствовать улучшению состояния кассы ЦК меньшевиков, да и самый журнал носит не-

К. Ворошилов, М. Горький
и И. Сталин в кабинете писателя
в доме на Малой Никитской. 1931

ФОТО: РИА НОВОСТИ

приятный идеологический уклон, теософско-мистический; на его страницах помещают статьи наши ярые враги и рекламируется вся белогвардейская и меньшевистская литература».

Благородная затея Горького провалилась, и все шишки обрушились на него же. Получилось так, что он напрасно взбудоражил общественность, разрекламировал журнал, пообещал многим работу и приличную оплату... За решение ретивого цензора писатель был, конечно, не ответчик и тем не менее переживал неудачу чрезвычайно болезненно.

Его имя в советской прессе некоторое время почти не упоминали, хотя и в недруги Алексея Максимовича не спешили записывать. Более того, заманивали в Союз — с каждым годом все настойчивее. Обещали разные блага, всенародное уважение, издание книг, внушительные гонорары.

В 1928 году его позвал в СССР Сталин, прислав приглашение, от которого трудно было отказаться. Горький отправился в Москву вскоре после празднования собственного 60-летия. По случаю круглой даты мэтра засыпали поздравительными письмами и приветственными телеграммами, в том числе такие корифеи, как Стефан Цвейг, Томас и Генрих Манны, Джон Голсуорси, Герберт Уэллс, Сельма Лагерлеф. Юбиляр провел

на родине пять недель, побывав в Москве, Курске, Харькове, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Крыму. Свои впечатления изложил в книге «По Союзу Советов».

Через год совершил новый вояж в страну. Его привезли в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН). Писателю понравилось там едва ли не все: участливые охранники, заключенные, коих будто бы толково перевоспитывали, и даже условия, в которых они проживали. После этой «экскурсии» был написан очерк «Соловки».

К роскоши он по-прежнему выказывал полнейшее равнодушие. Когда его поселили в бывшем особняке Рябушинского на Малой Никитской, радость от такого подарка испытали ближние, но не сам Горький. Так же, как и раньше — в Петрограде, на Капри, в Сорренто, — не щадя сил трудился, безостановочно дымил папиросой, торопил мысль, исписывая кипы листов.

В мае 1933 года приехал в Советский Союз навсегда. Где бы ни появлялся, а путешествовал по стране он невероятно много, его встречали многотысячные толпы, сопровождаемая овациями и криками «ура». На банкетах в Кремле Сталин поднимал бокал за «великого писателя земли русской» и «верного друга большевистской партии».

Он встречался с рабочими заводо- и тружениками образцово-по-

казательных совхозов. Ему докладывали о счастливой жизни советских пролетариев, достижениях во всех областях — науке, производстве, искусстве, физкультуре и спорте. Побывав на Беломорканале, написал весьма положительно и об этой поездке.

Ажиотаж вокруг него был такой, что немолодой уже литератор выглядел ошеломленным. Впрочем, нередко шутил по этому поводу, а Лидии Сейфуллиной сказал

ФОТО: РИА НОВОСТИ

С. Р. Ролланом в Горках. 1935

так: «Меня теперь везде приглашают и окружают — почетом. Был у пионеров — стал почетным пионером. У колхозников — почетным колхозником. Вчера посетил душевнобольных. Видимо, стану почетным сумасшедшим».

Знаки внимания сыпались на седую голову с неистойвой силой. Моссовет переименовал в его честь главную улицу Москвы, Тверскую. Имя Горького присвоили Московскому Художественному театру. И родной Нижний Новгород получил новое название...

В СССР построили огромный самолет, пораженный воображением размерами и возможностями, — «Максим Горький». Однако в мае 1935 года этот воздушный титан потерпел катастрофу, погибло почти пятьдесят человек.

Говорят, что Алексей Максимович счел это дурным знаком. Жить ему и впрямь оставался всего год. Ходя-севич вспоминал, что в доме пролетарского классика часто играли в карты — то в 501 (по выражению Державина, «по грошу в долг и без отдачи»), то в бридж: «В последнем случае происходило, собственно, шлепанье картами, потому что об игре Горький не имел и не мог иметь никакого понятия: он был начисто лишен комбинаторских способностей и карточной памяти. Беря или чаще отдавая тринадцатую взятку, он иногда угрюмо и робко спрашивал:

— Позвольте, а что были козыри?»

Мудрый, начитанный, потрепанный жизнью человек так и не понял, где «были козыри» и в чем их польза. А может, и не хотел этого знать. Он просто жил, познавал мироздание.

Строилось и укреплялось невиданное в истории государство, росло — количественно и качественно — общество с небывалым набором идеалов и ценностей. Созидание шло трудно, и далеко не все граждане прониклись светлыми идеями, но казалось, что в будущем многое изменится к лучшему, наступит всеобщее благоденствие, повсюду воцарится радость.

Несмотря на веру во все хорошее в его глазах часто застывала грусть...

Волнение вокруг присутствия Максима Горького в Советском Союзе постепенно улеглось. Он мог трудиться спокойно, не отвлекаясь на посторонние шумы. В последние годы писал самое крупное свое произведение, роман-эпопею в четырех частях «Жизнь Клима Самгина» — о судьбах русской интеллигенции в переломную эпоху, которую пережил сам. В минуты отдыха играл с внучками Марфой и Дарьей. По обыкновению напряженно размышлял, погрузившись в густой табачный дым. Вспоминал людей, с которыми был знаком, горячие диспуты, стремительный путь к славе. Спорить ему уже было не с кем и не о чем.

ФОТО: ЮРИЙ ИВАНОВ/РИА НОВОСТИ

Дружеский шарж Кукрыниксов

Памятник М. Горькому у Белорусского вокзала

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

«Он создал новую веру — религию человека»

ФОТО: PHOTOPRESS

Павел Басинский,

литературовед, автор книги
«Страсти по Максиму:
Горький: 9 дней после смерти»

«Последняя веха — Толстой. За Толстым никого — или Горький», — писал Дмитрий Мережковский в книге «Не святая Русь». Это сказано не в сравнение уровней художественного дарования, а относилось к первой части знаменитой трилогии, повести «Детство».

Казалось бы, что тут обсуждать: автобиографическая вещь, каких много. Но критик увидел в ней символическую формулу России. Бабушка и Дедушка — две ипостаси уходящего русского мироощущения, русской религиозности. Бабушка — народная, стихийная, полужыческая, теплая. Взгляды Деда — государственнические, жесткие, по-петровски реформаторские, собирающие всех и вся в страшный кулак. Она — поэзия. Он — наука. Первая безграмотна. Второй полуграмотен. Формирование Алеши Пешкова происходило на пересечении этих полюсов, од-

нако, подобно хитроумному Улиссу, он миновал Сциллу и Харибду обеих традиций. Потому и стал Горьким, самостоятельной духовной фигурой, создателем новой веры — религии человека.

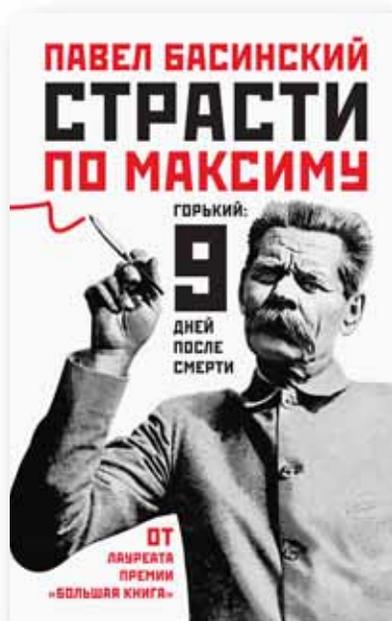
«/Пешков/ слишком убежден, что не похож на людей, слишком этим рисуется, причем — не похож ли на самом деле — это еще вопрос, — рассуждает о себе в третьем лице любивший всякого рода масочность писатель в корреспонденции к будущей жене Екатерине Волжиной. — Это может быть одной только претензией. Но претензия позволяет ему предъявлять к людям слишком большие требования и несколько третировать их свысока».

«Люди» и «человеки» — одна из важнейших его тем. Первые ведут бездумную, растительную жизнь, страдают, бессмысленно погибают; так для них устроил Бог; но Он

умер, бросив творения на произвол дьявола. «Человеки» — другое. Это существа высшего порядка, знаменующие новый виток развития цивилизации, они не верят в отжившие сказочки, становятся рядом с Творцом, чтобы построить свой мир, создать собственный рай.

Интересно, что идеи, которые принято считать горьковским ницшеанством, появились в произведениях писателя гораздо раньше, чем ему представилась возможность познакомиться с трудами базельского философа. Рассказ «Макар Чудра», напечатанный в 1892 году в газете «Кавказ», начинается с абсолютно ницшеанского высказывания, вложенного в уста старого цыгана: «Так нужно жить: иди, иди — и все тут. Долго не стой на одном месте... А задумаешься — разлюбишь жизнь, это всегда так бывает. И со мной это было». Один к одному — «Несвоевременные мысли» германца, тогда еще не переведенные на русский.

«Человек — это переход и гибель», — говорил Заратустра, имея в виду «мост», протянутый природой между животным и сверхчеловеком. Таковы и горьковские герои: Коновалов, Челкаш, Сатин, Лунев, Фома Гордеев. Все эти мощные, гордые, заносчивые люди в старом мире бессильны, сходят с ума, разбивают головы о стену, вешаются. Само название заключительной части автобиографической трилогии — «В людях» — не случайно. Когда отец и мать умирают, дед выгоняет Алешу из дома: «Ты — не медаль, на шее у меня — не место тебе, иди-ка ты в люди». Пешков работает в Нижнем, потом в Казани — бурлаком, помощником булочника, разносит выпечку студентам духовной семинарии, и они с удивлением смотрят на рассыльного, цитирующего Маркса, Лаврова, Шопенгауэра. Для Алешки было делом принципа вырваться из толпы. Он хотел доказать свою правду. «Любимая

книга моя — книга Иова, всегда читаю ее с величайшим волнением, а особенно 40-ю главу, где Бог поучает человека, как ему быть богоравным и как спокойно встать рядом с Богом», — напишет он годы спустя Василию Розанову. В отличие от библейского Иова довел свой бунт до конца.

К началу века Горький обрел мировую славу. Ни Бунин, ни Чехов, ни Куприн не были так знамениты. Во время литературного турне 1907-го по Америке его встречают Марк Твен и Уильям Дин Хоуэллс. На Капри он даже не арендует вилл — ему снимают.

Его произведения заражали читателей, в нем видели сокола и буревестника всего нового, светлого — в противовес безвременью и тишине старого. Читателя меньше всего интересовал смысл горьковских вещей. Он искал настроение, созвучное своей эпохе. Хотя этот большой и разноплановый художник время опережал. «На дне», шедшая в Берлинском театре с пятьюстами аншлагами, абсолютно экзистенциальная вещь — пьеса социальных масок, которые еще и разрушаются по ходу действия.

Шедевральны «Жизнь Клима Самгина», «Мать», рассказы «Челкаш», «Макар Чудра», пьесы «Васса Железнова», «Егор Булычев и другие», «Мещане».

Горький — творец культурной ситуации. Без него непредставимы закат Серебряного века и советская художественная среда. Создатель ведущих издательств, организаций («Знание», «Всемирная литература»), Литературный институт, Союз писателей), он превратил литературу в одно из главных дел страны. До него писатель, даже самый гениальный, ходил к издателям на поклон. Рынком правил капитал. Бунин мог сколько угодно ругать Пешкова в эмиграции, но если бы тот не опубликовал в «Знании» «Листопад» и «Антоновские яблоки», об Иване Алексеевиче никто бы тогда не узнал. Так же, как о Куприне и Леониде Андрееве. Недаром они посвящали свои первые произведения именно ему, потом, правда, эти посвящения снимали.

Горький и на революцию смотрел как на культурную силу, которая наконец объединит интеллигенцию и народ, позволит построить новое общество — справедливое и прогрессивное. С этими надеждами вернулся в СССР в 1928-м — многотысячная толпа встречала его у площади Белорусского вокзала, до дома несла на руках.

Он не был первым в России образителем босячества. До него этим занимались Успенский, Левитов, Слепцов, Решетников, Короленко. Вот только босяк представлялся запуганным и затравленным существом, а уж никак не сверхчеловеком. «За Толстым никого — или Горький» — это о масштабе личности, влиянии на культуру, эпоху, миропорядок. А по уровню художественного дарования Мережковский ставил Горького ниже Толстого и Достоевского. Впрочем, этих двоих пока вообще никто не превзошел.

ФОТО: И. САНЖКОВ/ТАСС

Талант в полный рост

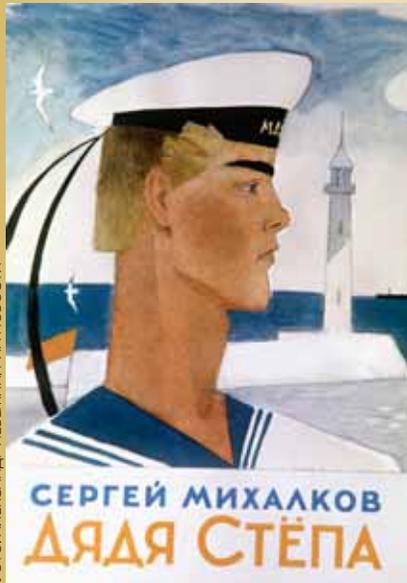
Евгений Александров

Он создал тексты гимнов Советского Союза и современной России, сатирический киножурнал «Фитиль» и волшебные стихи про Новый год, рассказал нам про самого человеческого стража порядка и ушлого, разбитного Зайца во хмелю, доходчиво объяснил, что мамы всякие важны, сложил образцово лаконичную эпитафию Неизвестному солдату... Наша жизнь много бы потеряла без написанных им книг, мультфильмов, снятых по его сказкам и басням, звонких песен и увлекательных спектаклей, регулярно появлявшихся благодаря его творчеству, без доброй сотни строк, вошедших в русскую обиходную речь удивительно легко и естественно: «Дело было вечером, делать было нечего»; «Мы такие с ним друзья: куда он, туда и я», «А сало... русское едят», «Ну, подумаешь, укол! Укололи и — пошел».

Всесоюзный старший брат

В конце 1930-х Михалкова, постоянного гостя пионерских линеек и костров, — от Москвы до «Артека», от Карпат до Японского моря, — заслуженно ставили в один ряд с такими корифеями, как Маршак и Гайдар, Чуковский и Кассиль. Его стихи не грешат морализаторством, Сергей Владимирович порой виртуозно превращал в увлекательную поэзию обычную детскую болтовню, и всех вокруг это захватывало, заражало.

ФОТО: АЛЕКСАНДР НЕВЕЖИНИН/РИА НОВОСТИ

Писал и про шпионов, и про зловредных японских самураев, и про войну в Испании, а вместе с тем — про узнаваемый городской быт, с трамваями, обязательными прививками, дворовыми играми и разговорами.

Театр для него начинался с «Любви к трем апельсинам» Карло Гоцци. Его сказка «Смех и слезы», написанная по мотивам «Апельсинов», выстроена изысканно: пародийные пласты филигранно сочетаются с неожиданными сюжетными виражами. Жаль, что нынешние детские постановщики про нее почти забыли.

Михалков — еще и мастер самоиронии. К примеру, в образе Зайки-зазнайки не иначе как над собой слегка подтрунивал. Для высмеивания пороков общества подбирал грехи, свойственные в первую очередь людям творческим, успешным: заносчивость, эгоизм, отсутствие душевного такта. Как раз об этом его лучшие детские пьесы «Сомbrero» и «Чужая роль». Наша послевоенная драматургия, адресованная малышам и подросткам, — феномен выдающийся. Сергей Владимирович являлся главным автором театров юного зрителя по всей стране, а для Центрального детского стал просто-напросто талисманом.

Представьте, в те далекие до-интернетные и дотелевизионные времена детвора знала его в лицо. Фотоснимки и рисунки знакомили ее с любимым писателем, которого трудно было назвать — как Корнея Ивановича или Самуила Яковлевича — дедушкой. Михалкова воспринимали, скорее, как старшего брата или чуткого, заботливого наставника-пионервожатого. Или даже — в условиях тогдашней повсеместной безотцовщины — молодым папой. Его особенно ценили и понимали те, кто познавал мир торопливо, неумно, от всей души. Наш детский поэт и сам был таким.

Дядя Степа не умрет

В «Дяде Степе» он, похоже, нашел свой контрапункт и собственную «военную тайну». Давно замечено, что великан по прозванию Каланча во многом на него похож. Но суть не в этом, важнее всего органический сплав выдуманного и действительного, актуального и непреходящего, веселого и героического: богатырь с заставы Ильича обретается среди нас (и табурет-то у него обыкновенный), но образ при этом стопроцентно эпический, к тому же узнаваемый на любой иллюстрации. У дяди Степы широкая душа и благородные помыслы, а главное, он оберегает великую правду детства не только от уличных хулиганов, но и от взрослого лицемерия. Стоит на страже мечты.

Стихи Михалкова — это всегда инъекция жизнелюбия. Он смотрит на мир как победитель и без лишних нравоучений показывает: захочешь — добьешься («Если ты научишься работать и мечтать — великим Финтифлюшкиным ты в жизни можешь стать!»).

Среди его увлеченных читателей неудачников нет и не предвидится, а героем-великаном — коли не валять дурака — способен стать каждый. У городского кумира, всеобщего примера для подражания, даже профессия самая обыкновенная — милиционер. Однако подоб-

ным теориям была бы грош цена, когда бы стихотворные строки звучали не столь естественно и жизнеутверждающе.

К дяде Степе поэт возвращался всю жизнь. Первая публикация — в 1935-м. Вся страна узнала о Степане Степанове! Классическое продолжение — про милицейскую службу — появилось спустя два десятилетия, а следом вышел на экраны замечательный мультфильм. Третья часть — через следующие четырнадцать лет, четвертая — в 1981-м:

*Знают взрослые и дети,
Весь читающий народ,
Что, живя на белом свете,
Дядя Степа не умрет!
Он с кокардой на фуражке,
Он в шинели под ремнем,
Герб страны блестит на пряжке
Отразилось солнце в нем!
Он идет из отделения,
И какой-то пионер
Рот раскрыл от изумленья:
«Вот так ми-ли-ци-о-нер!»*

Старые фотоснимки

Давнишние фотографии с годами становятся только выразительнее. Вот поэт в окружении пионеров в Георгиевском зале. Первые новогодние елки в стране едва ли состоялись бы без его сценариев, без

речитативно-сказочного: «Говорят, под Новый год, что ни пожелается, все всегда произойдет, все всегда сбывается».

А вот — военкор Михалков в окружении бойцов. Сразу вспоминается одно из лучших стихотворений о солдате, вернувшемся с войны:

*Вспомнил встречи фронтовые,
Боевых своих друзей,
Молодых артиллеристов
С дальнобойных батарей;
Вспомнил песню про Каховку,
Вспомнил ночи у Днепра...
И с открытыми глазами
Провалился до утра...*

У фотоснимков общий мотив: рядом с Сергеем Владимировичем видим счастливых, сияющих людей — даже в самые мрачно-ненастные дни. Ореол радости сопровождал его всюду. В дневнике Елены Булгаковой читаем: «Встретили Михалковых и с ними и с Эль-Регистаном пили кофе. Эль-Регистан рассказывал интересные случаи из своих журналистских впечатлений, а Михалков говорил, как всегда, очень смешные и остроумные вещи. Миша смеялся... до слез». И подобных свидетельств несть числа.

Война застала его в Риге — среди всеобщей паники, толкотни. Сам он позже вспоминал: «Я был спокоен. Вообще со мной часто так, — чем больше суетолаки, испуга

вокруг — тем сдержаннее, собранней, рациональней я себя веду. Так и тогда... Не стал вместе со всеми ехать и охать, а спустился в ресторан, который продолжал работать, как обычно, заказал горячее блюдо, бутылку вина... Потом решил зайти в ателье, где заказал накануне себе полдюжины сорочек — с моим ростом купить что-то подходящее из одежды — для меня всегда было проблемой.

— Ваш заказ, — рижанка вежливо и многозначительно улыбнулась, помедлив, — будет готов через два дня.

— Хорошо, — ответил я. — Зайду через два дня. — Глядя ей в глаза, конечно же, сообразил, что она хотела сказать мне на самом деле: «Вам, советским, жить осталось всего ничего, погибнете вот-вот... А еще о рубашках думаете!»

Вышел из ателье ровным шагом, чтобы не уронить себя и свою принадлежность к России в глазах женщины, явно приветствующей нападение фашистской Германии на мою страну.

Описанный эпизод многое объясняет, в первую очередь — характер рассказчика, его отношение к Родине. У нас, пожалуй, не было и нет лучших пособий по патриотическому воспитанию, нежели сборники со стихами Михалкова-гражданина:

*Да! Посмей назвать отсталой
Ту великую страну,
Что прошла через войну,
Столько бедствий испытала,
Покорила целину —
А теперь такую стала,
Что почти до звезд достала
Перед рейсом на Луну!*

Торжество больших идей

Сергей Владимирович создал несколько детских поэм, исполненных политического звучания, даже придумал жанру определение — «были для детей». Рассказывать малым о подвигах отцов и дедов, о державном «символе веры» прежде отваживались многие. До революции — Александра Ишимова и Аполлон Майков, после — целая плеяда поэтов. Но почти все терпели фиаско на данной стезе. Корней Чуковский в годы войны сочинил фронтовую сказку «Одолеем Бармадея», и это была неудача. У Маршака стихи о советском гербе и «Разговор в парадном подъезде» вышли слишком дидактичными. Михалков же нашел непринужденную интонацию «разговора с сыном». К тому же — действительно верил и в Красную армию, и в пятилетки, и в партию:

*Хлеб для всех, сады в пустыне,
Торжество больших идей...*

Дети легко отличают искренность от притворной и приторной обязательности, а он писал о главном так, как надо. Некоторые стихи тех лет перечитывать трудно и грустно:

*Смотри, три школьника идут!
Их летом ждет Артек.*

*Один — латыш, другой — якут,
А третий друг — узбек.*

*Они равны, они дружны,
У них один отряд.*

*Сражались рядом в дни войны
Отцы троих ребят.*

Когда-то подобные строки воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Михалков, словно заглядывая далеко вперед, учил ценить дружбу, которую легко утрачить, сделал все от него зависящее, чтобы сохранить единство страны.

Увы, в горячке «реформ» мы отмахнулись от этих уроков, а потом уже поздно было жалеть.

Он был настоящим советским писателем, а славил лишь то, что находил достойным прославления. И принципами не разбрасывался. После 1960 года из его стихов пропало имя «отца народов». И тем не менее разоблачительных высказываний о Сталине Сергей Михалков себе не позволял. В отношении генералиссимуса он, офицер, придерживался раз и навсегда установленного правила: «Я в него верил, он мне доверял».

В длинной веренице его стихотворных фельетонов не сыщется ни единого, который бы имел отношение к атеистической пропаганде. Зато были у Сергея Владимировича такие строки:

На заседании редколлегии киножурнала «Фитиль». 1963

ФОТО: ИТАР-ТАСС

*В большой России,
в маленьком селенье,
За сотни верст от фронта,
в отдаленье,
Но ближе многих, может быть,
к войне,
Седая мать по-своему воюет,
И по ночам о сыновьях тоскует,
И молится за них наедине.*

В годы «торжества» атеизма эти стихи публиковались миллионными тиражами. Разумная лояль-

ность по отношению к власти не превратила их автора в исполнителя любых прихотей сильных мира сего.

Мы редко вспоминаем, что при Ельцине он оказался в оппозиции. Его (в отличие от многих других Героев Социалистического Труда от культуры) невозможно представить себе среди могильщиков СССР. Михалков вел себя примерно так же, как в Риге 22 июня 1941-го, не ронял достоинства, не суетился.

При всем желании вы не найдете ни одного михалковского выступления в поддержку тогдашних хозяев жизни. Перестроечная публицистика похоронила идеалы, которым служила «наша книга детская, детская, советская», и он не считал нужным подстраиваться под

новые правила игры. Всенародно признанного поэта либеральная Россия не награждала и не привлекала, однако «отменить» не смогла. Он оказался мудрее и честнее торопливых критиков.

Иной ярлык сильнее льва

Наши современники отвыкли от нормальной сатиры. Ее подменили войной компроматов. А Михал-

ков — ученик дедушки Крылова, а еще Кантемира и Салтыкова-Щедрина. Иногда он высмеивал весьма ядовито. Чиновники у него устраивают пышную охоту, нанимают ловкачей для производства липовых диссертаций, беспокоятся о памятниках себе любимым... Сатира — продукт скоропортящийся, но есть исключения:

*За Бюрократом Смерть пришла,
Полдня в приемной прождала,
Полдня в приемной просидела,
Полдня на очередь глядела,
Что все росла,
А не редела...
И, не дождавшись... померла!*

А лукавое правило «Иной ярлык сильнее льва» в наши дни действует не в пример жестче.

Писатель-орденоносец, автор гимна державы не тушевался, сочиняя в легком жанре. Его водевили изобретательны, изящны, придумывал он их играючи, в лучших традициях русского театра. Такую бесппроблемную пьесу, как «Дикари» (многим она памятна по фильму «Три плюс два»), наверное, мог сочинить только Михалков. В ней добрая порция иронии и ноль процентов ханжества: курортная влюбленность, крымские пейзажи, обаятельная неразбериха и счастливый финал.

Он нечасто публиковал произведения «для взрослых», тем не менее вполне зрелая лирика пробивается даже в стихотворении о внучке-почемучке, и это похоже на выразительный вздох усталого, но несломленного современного человека:

*А у деда самого
Столько разных «Отчего?»,
Столько разных «Почему?»,
Что не снилось никому!..*

Если бы ему пришло в голову пересчитывать своих завистников, то он явно бы сбился со счета. Но читателей у Сергея Владимировича Михалкова на порядки больше. Столь долгая и счастливая жизнь в литературе выпадает далеко не каждому.

Проверено
временем

Иллюстрация к сказке
А. Толстого «Золотой ключик,
или Приключения Буратино»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Смех по графику

Ксения Воротынцева

Аминадав Каневский некогда прославился как автор острых политических шаржей. Являясь учеником Дмитрия Моора и близким другом легендарных Кукрыниксов, он создавал в послереволюционные годы и в период Великой Отечественной выразительные плакаты, публиковал собственные карикатуры в «Крокодиле». Все это сформировало образ идеологически правильного художника. Но интересовало его не только злободневное, сиюминутное.

БОЛЬШОЙ мастер иллюстрации, прежде всего детской, особую известность Каневский приобрел благодаря придуманному им диковинному зверю Мурзилке. Его рисунки украшали сочинения Сергея Михалкова, Агнии Барто, Николая Носова, Самуила Маршака. В марте со дня рождения выдающегося графика исполняется 120 лет.

Каневский появился на свет в Елисаветграде. Интерес к изобразительному искусству обнаружил рано. В автобиографических заметках много позже рассказывал:

«Первую тягу к краске испытал в семилетнем возрасте.

В циркульне, в ожидании стрижки, я стал разглядывать развешанные по стенам картины. Одна из них привлекла мое воображение. До сих пор помню: свежей зеленой масляной краской там были изображены деревья, камыши и вода. На воде плавали белые птицы. Это было первое чудо мастерства, которое я увидел. От картины шел волнующий запах масляной краски. Запах так и врезался в мою память. Я думаю, что именно здесь я получил первую зарядку... Подошла моя очередь, и циркульник остриг меня под первый номер.

Мир тогда для меня был населен фантастическими существами. Таких существами были и трубы, взобравшиеся на крыши, и лошади, и могущественный повелитель гусей — гусак».

В 1909 году семья переехала в Екатеринослав. «Лет до десяти ходил в школу. Лет до двенадцати — лицо без определенной профессии». Причина, помешавшая получить образование, банальна — скромные доходы Каневского-старшего, их явно не хватало на шестерых детей. Аминадав стал помощником фотографа, таскал за ним громоздкую камеру. Затем трудился на мельнице и наконец устроился подсобным рабочим

на завод «Штамп». В январе 1917-го попал на фронт как солдат-пехотинец, но уже летом вернулся домой.

В 1918-м бросил все и отправился в Киев, чтобы «поступить в Академию вольнослушателем... Конечно, принят не был — не было никакой подготовки». Однако не сдался, обратил на себя внимание одного из профессоров, а тот, сказав, что из него все-таки «может выйти художник, посадил к себе в мастерскую».

Его заставили копировать церковную посуду, барельефы, ковры, натурщиков рекомендовали зарисовывать «согласно образцам западно-европейских народов IX века». Аминадава тяготила сосредоточенность на прошлом: «Попытки рисовать проще, как может рисовать человек нашего столетия, пресекались и высмеивались. На третьей неделе... начал скучать и томиться». Молодой человек сменил наставника, но и у того надолго не задержался, чувствовал: жизнь подкидывает более захватывающие сюжеты. Вскоре опять оказался на фронте, уже как красноармеец. О давней мечте не забывал, постоянно делал зарисовки в блокнотах. Его способности так впечатлили командование, что в 1921 году Каневского отправили учиться в недавно образованный ВХУТЕМАС.

«Когда я вошел в здание, меня сразу обдало запахом масляной краски, тем самым волнующим запахом... Запах живописи. Теперь — не отступлю», — так он впоследствии описывал первые, положительные впечатления. Попав в экспериментальный, по-настоящему передовой вуз, вскоре, однако, снова ощутил себя чужим: «Царствовали в то время на Мясницкой футуризм, кубизм, супрематизм, конструктивизм, обертупрематизм, унтерформализм, изм, изм,

А. Каневский. 1968

ФОТО: ЮРИЙ ИВАНОВ/
РИА НОВОСТИ

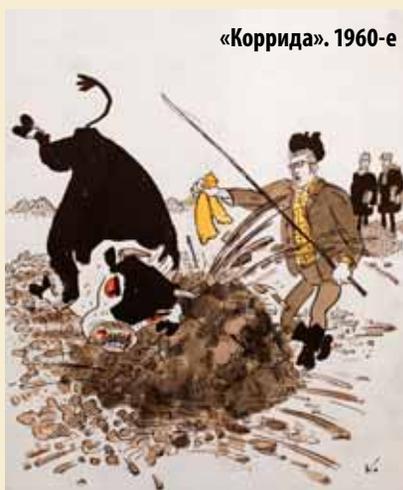
ПРОВЕРЕНО ВРЕМЕНЕМ

изм... и пал я духом. Население этой слободы было чрезвычайно воинственным».

Скитание по мастерским, от одного преподавателя к другому, Каневский вспоминал с горькой иронией, в числе его наставников оказался тогда Михаил Шемякин, в недавнем прошлом импрессионист: «Здесь уже рисуют деревянные пирамиды и цилиндры. Живописью здесь не занимаются — сомнительное занятие. Люди гнут свои натруженные спины над линейным рисунком, и некоторым удается сделать правильный треугольник или квадрат. Приходит учитель. Мы окружаем его и слушаем. Он, закрыв глаза, заводит рассказ о том, что его тетушка замечательно, изумительно, прекрасно играет на скрипке. Он советует нам также хорошо рисовать в будущем. Мы молча поглаживаем свои седящие бороды и выражаем согласие. Он уходит. И мы принимаемся рисовать врукопашную».

Скепсис в отношении методов преподавания выражал в карикатурах, печатавшихся в сатирическом «Арап-отделе» студгазеты. Одновременно с ним там публиковались будущие Кукрыниксы: Михаил Куприянов, Порфирий Крылов и Николай Соколов.

Остается только гадать, к чему могли привести затянувшиеся мытарства... Вскоре ему удалось найти единомышленников. В 1924-м окончил рабфак, начал печатать рисунки в журнале «Безбожник у станка», познакомился с Дмитрием Моором, ставшим для него авторитетом в творческих делах. Тогда же поступил на основное отделение ВХУТЕМАСа, а через год — на графический факультет этого вуза. Деканом был Владимир Фаворский, автор блестящих гравюр и иллюстраций. Каневский поначалу не понимал «ни его работ, ни его терминов». Затем наступило прозрение: «Если раньше его гравюра не вызывала никакого интереса, то теперь смотрю на каждую, и все

мало. Все больше и больше открываются недра материала; глубже явления. Удивляюсь, до каких высот может пойти мастер. После каждой встречи с ним уходишь, чувствуя, что подрос».

Ювелирная линия Фаворского оказала на Аминадава сильное влияние. В те годы Каневский использовал разные материалы: чернила, акварель, уголь, сангину. Создавал портреты однокурсников, в том числе Георгия Нисского. Кроме того, вступил в Ассоциа-

цию художников революционной России, отвергавшую формальные эксперименты, приветствовавшую реалистическое искусство. Именно из АХРРа впоследствии вышли многие авторы-соцреалисты, и Аминадав Моисеевич, видимо, уже тогда ощущал с ними внутреннее родство.

В 1930-м он окончил ВХУТЕМАС (к тому времени реорганизованный во ВХУТЕИИ), представив на суд комиссии диплом-автолитографию на тему «Долой пьянство» — пионеры хоронят водку». Вскоре вместе с друзьями создал бригаду плакатистов при АХРРе, просуществовавшую около четырех лет. Как отмечает Марк Иоффе, автор очерка о Каневском, «в отличие от ленинградской мастерской Изогиза, где плакаты выпускались без подписи художника, каждый из участников московской бригады выступал в печати индивидуально».

Не прекращалась работа в журналах. В 1933-м в «Пионере» появилось странное существо, словно сошедшее со страниц средневекового bestiaria: с длинным клювом, зая-

чьими ушами и медвежьими лапами. Фигурка необычного животного, получившего имя Тут-Итам, возникала на полях странных, смешных или занимательных текстов. По свидетельствам Иоффе, диковинное творение Каневского пришлось читателям по душе: «Иногда они долго не встречали своего любимца ни на обложке, ни в тексте, ни на полях журнала, редакция начинала получать письма: «Куда девался Тут-Итам? Где он? Не случилось ли с ним что-нибудь?» Этот персонаж стал предтечей Мурзилки, придуманного в 1937 году. Желтый зверь, одновременно напоминая собаку и медведя, оказался куда популярнее Тут-Итама и до сих пор остается любимцем детей.

Критики порой обвиняли мастера в излишней карикатурности, тяге к гиперболизации, нежелании работать тонко, намеками. Иоффе сравнивал художника с давними соратниками: «Кукрыниксы, например, виртуозно владеют мастерством портретного шаржа и часто прибегают к нему, особенно в работах на внешнеполитические темы. Каневский в сатирических рисунках к портретному шаржу обращается очень редко. И вообще в его карикатурах углубленная портретная и психологическая характеристика персонажей не играет такой важной роли, как в сатирических рисунках Кукрыниксов, где именно выражение лиц определяет подчас, какое впечатление карикатура производит на зрителя».

Иллюстрация к «Мойдодыру» К. Чуковского

Но сила его произведений была в другом — они всегда получались самодостаточными. Тот же Иоффе подчеркивал: «Почти никогда ему не приходится вводить объяснительные надписи в самый рисунок, обычно и без того достаточно красноречивый».

Роман с иллюстрацией начался в 1930-м. Пять лет спустя оформление изданий стало основной деятельностью. Параллельно создавались станковые вещи, в том числе акварельные, которые широкой публике до сих пор почти неизвестны. А вот книжная графика, прежде всего детская, завоевала огромную популярность. Обращался художник и к серьезным авторам: его работами иллюстрировали сочинения Чехова, Голя, Салтыкова-Щедрина, Маяковского. Кто-то находил штрих грубоватым, другие говорили об излишней тяге к гротеску.

Он оживлял героев Агнии Барто, Корнея Чуковского, Николая Носова. Своеобразным прорывом

стала серия иллюстраций к «Золотому ключику», созданная во время войны. Выполненные пером рисунки полны того особого юмора, который стал фирменным знаком Каневского. Для издания 1950 года мастер предложил новое оформление: в постоянном желании улучшить уже сделанное проявился его перфекционизм. Решив использовать акварельную расцветку, в итоге получил более «объемную» графику. Другие писатели также подвергались «переработке»: требовательный иллюстратор предложил свежие решения к «Девочке-ревушке» Барто и «Тараканищу» Чуковского.

Творчество Аминадава Каневского порой вызывало споры. Его вещи получались настолько шаржированными и острыми, что критики не могли прийти к единому мнению: каким художником его считать, «добрым» или «злым». Впрочем, для чуткого зрителя человеколюбие кажется очевидным. В качестве примера можно вспомнить иллюстрации к стихам Маршака о рассеянном с улицы Бассейной. Иоффе пишет: «Аминадав Моисеевич искал свой путь, такое образное решение, которое раскрывало бы гуманистическую направленность книжки. Он пришел к выводу, что дело не во внешнем облике героя — молодой ли он или старый, урод ли или нет, — а в том, как к нему относятся окружающие, когда он из-за своей рассеянности по-

падает в беду. И когда Каневский нашел этот ключ, его рисунки стали наглядным рассказом не только о смешных неприятностях рассеянного, но и о том, как люди сочувствуют ему и из этих неприятностей выручают. Так в иллюстрациях развивается тема писателя. У Маршака, например, сказано: «Вместо шапки на ходу он надел сковороду», а у Каневского на рисунке вслед за стремительно сбегающим по лестнице рассеянным (на голове — сковороды) сверху, из дверей квартиры, женщина и девочка заботливо протягивают шапку-ушанку и шляпу. Так и на каждом рисунке — помимо самого чудака-рассеянного присутствуют и действуют очень симпатичные люди».

Вот это умение — не только заострить неприглядные стороны действительности, но в придачу избразить нечто трогательное, милое, славное — обеспечивало успех его работам у последующих поколений.

ФОТО: МАРК РЕДЬКИН/ТАСС

А. Покрышкин у своего самолета. 1942

«Я – Покрышкин. Атакую!»

Сергей Алдонин

Про таких, как он, в русском народе говорят: в огне не горит, в воде не тонет. Могучий богатырь, непобедимый витязь русской авиации и себя в сражениях прославил, и боевым товарищам великие услуги оказал. Его имя в первые, самые черные годы войны стало позывным надежды.

Со дня рождения Александра Покрышкина, единственного трижды Героя Советского Союза, получившего высшие награды непосредственно во время Великой Отечественной, легенды Красной армии и ее Военно-воздушных сил, 19 марта исполнится 105 лет.

Наследник Суворова

У него образцовая по меркам советской эпохи биография: появился на свет в семье рабочих в Новониколаевске (Новосибирске), трудился слесарем на заводе, с юных лет мечтал о небе...

Само собой, стремился в авиашколу. Но для этого нужно было освоить пролетарскую профессию, а родители мечтали, чтобы смысленный сын учился на счетовода. Для рыцарей арифмометра и производственно-экономического баланса прямая дорога к аэропланам была закрыта. Тогда Александр впервые проявил «благородную упрямку» — ушел из отцовского дома. В фабрично-заводской школе ему выделили роскошную койку в общежитии. Получив квалификацию слесаря-инструментальщика, он смог прорваться в авиацию. Сперва окончил пермскую школу авиатехников, а в 1939 году завершил обучение на военного летчика в Качинске. Форменная куртка сразу пришлась впору: молодой военлет быстро стал образцом надежности в глазах командиров и братьев по оружию.

К началу войны он — заместитель комэска 55-го авиаполка. Служба проходила в Молдавии, на границе. Покрышкин сразу оказался на передовой и первый самолет сбил 22 июня 1941 года. Увы, атакованная им машина оказалась... нашим ближним бомбардировщиком Су-2 — сказалось отсутствие радиосвязи.

Через несколько дней вылетел на разведку и расстрелял «Мессершмидт-109», но, засмотревшись на падающий истребитель, сам получил пробоину и с трудом добрался до аэродрома.

Для советского человека, воспитанного на бодрых маршах Дунаевского, уверенного в грядущей победе коммунизма, разгромные поражения послужили тяжелейшим моральным испытанием. Чтобы выдержать этот удар, следовало научиться с максимальным толком перемалывать полученный горький опыт.

«Почему мне так часто достается от врагов? Кажется, машиной и оружием владею, в робости меня никто не может упрекнуть, самолет у меня тоже в общем неплохой, так почему же я так часто возвращаюсь с пробоинами?.. — такой вопрос задал себе молодой командир и стал выступать против привычной установки на полеты тройками, указывал на отсутствие радиосвязи, пассивную тактику, тихоходность. — Атаки по воздушным и наземным целям необходимо проводить на большой скорости. Это обеспечит внезапность удара, создаст большие угловые скорости перемещения при ведении огня вражескими истребителями, стрелками бомбардировщиков и зенитчиками».

Он разделил с Красной армией все беды первых месяцев Великой Отечественной — отступление, поражения, досаду, доходившую до отчаяния. Чтобы победить, нужно изумлять противника, ошеломлять его неожиданными приемами. И Покрышкин как инже-

нер просчитывал каждый вираж. Летал на машинах МиГ-3, И-16, Як-1, потом — на союзнической «Аэрокобре» Bell P-39. Последнюю находил счастливой и до конца войны не хотел менять на новую, более сильную модель. Американцы гордились тем, что лучший пилот Второй мировой одержал большинство побед на их истребителе. Франклин Рузвельт удостоил Покрышкина золотой медали «За выдающиеся заслуги», персональной военной награды Штатов. Советский герой стал единственным из иностранцев пожизненным членом Ассоциации летчиков-асов США. Он усовершенствовал свою «Аэрокобру», будучи уверен, что настоящий хозяин неба должен быть и механиком, и изобретателем, не боялся испачкать руки в машинном масле. Иностранная пушка обладала слишком низкой скорострельностью. Покрышкин задействовал одну гашетку на пушечную и пулеметную стрельбу. Результат превзошел самые смелые ожидания: самолет противника разрывало на части.

Был отважен, но не безрассуден, воевал расчетливо, по-сибирски целеустремленно. Математически выверенные удары с 50–100 метров превращали вражеских «птиц» в горящие факелы. После войны летчик с отличием окончил две академии, но воздушным академиком станет еще на фронте. В начале войны приземлится в лесу на подбитой машине, а потом трое суток добирается через линию фронта до своего аэродрома. После, в санчасти, Покрышкин завел тетрадь и сразу озаглавил ее — «Тактика истребителей в бою». Его критиковали: не по уставу сражается. Опытные

А. Покрышкин во время подготовки к Параду Победы. Июнь 1945 года

ФОТО: НИКОЛАЙ АКИМОВ/ТАСС

пилоты сперва скептически относились к идеям коллеги. Но тот не отступал ни в поединках, ни в спорах, отстаивал собственную правоту. При этом не бунтовал, не нарушал армейской субординации, «всего лишь» взял да и разработал новые приемы ведения воздушного боя. Для советской авиации он стал своим Суворовым, мудрым армейским воспитателем. Недаром его формулы напоминают знаменитые фельдмаршальские присловья: «Высота — скорость — маневр — огонь!», «Инициатива и внезапность — вот слагаемые победы. Маневрируй так, чтобы обмануть, перехитрить врага. Атакуй смело, решительно. Если не сбил — сорви его замысел, этим ты уже достигнешь многого». Эти слова помнил каждый летчик.

«Удар», «ножницы», «качели»

Землянку Покрышкина друзья называли «конструкторским бюро». Со стен свисали чертежи, схемы, в углу ютилась стопка рукописей, тетрадей. Он работал на Победу и в минуты отдыха. Во фронтовые газеты, начиная с «Красной звезды», посылал свои статьи. Не расставался со сборником Есенина — книгу 1940 года издания нашел в разбомбленной библиотеке. «В перерыве между боевыми вылетами читал с упоением товарищам любимые есенинские строчки. Чтение этих строчек было для нас чем-то родным и близким, что было оборвано войной».

В отличие от немецких асов Александр Иванович не стремился к легким победам, не выискивал в неприятельском строю самых молодых да неумелых. Наоборот — выбирал самого опасного «поединщика». «Определить сильнейшего во вражеской группе. И наносить удар по нему, невзирая на риск. Это дезориентирует остальных», — сей рискованный способ был для него важнее пополнения личного счета выигранных поединков.

ФОТО: СЕРГЕЙ ПОСКУТОВИЧ/РИА НОВОСТИ

Трижды Герои Советского Союза: А. Покрышкин, Г. Жуков и И. Кожедуб

Названия его приемов говорят о многом: «соколиный удар» — уничтожение противника пикированием с высоты, «ножницы» — обезвреживание сидящего на хвосте вражеского истребителя встречным схождением наших самолетов, скоростные «качели», от которых фашист терял остатки самообладания.

Настоящим торжеством его тактики стали воздушные бои на Кубани, начавшиеся весной 1943-го. Красная армия теснила «Голубую линию» вермахта, которую гитлеровцы пытались протянуть к Закавказью. Сталинские соколы освоили атакующие маневры и крушили эскадрильи люфтваффе. Над Кубанью, Черным и Азовским морями Покрышкин отработывал новаторские методы. Достаточно вспомнить боевой порядок, вошедший в историю под названием «Кубанская этажерка»: «Это было ступенчатое, эшелонированное в высоту и достаточно широкое по фронту построение значительной группы самолетов. Каждая ступенька «этажерки» выполняла свою, строго определенную роль... Если вражеским самолетам и удавалось уйти из-под удара одной ступеньки «этажерки», они немедленно попадали под огонь другой, затем третьей».

Этажерки хозяйничали в небе. Важнее всего было добиться, чтобы каждый летчик знал свой маневр и

понимал товарища с полуслова-полувзгляда. Каждый день звучала в эфире команда: «Я — Покрышкин. Атакую!»

12 апреля в районе станицы Крымской он истребил четырех «мессеров». Ближе к вечеру его жертвами стали еще три вражеских самолета. Применит неотразимый «соколиный удар» — сверху, на высокой скорости, с крутым переменным профилем пикирования, затруднив стрелкам противника прицеливание. К счастью, свидетелем этого сражения оказался генерал Константин Вершинин, и Покрышкину без проволочек засчитали сбитые машины. Не тянули и с наградой: сначала — второй орденом Боевого Красного Знамени, чуть позже — первая Звезда Героя Советского Союза.

В радиоэфире вермахта без шифровки дозволялось произносить лишь две фразы: «Achtung: Panzer!» («Внимание: танки!») и «Achtung: Partizanen!» («Внимание: партизаны!»). В 1943-м добавилась третья: «Achtung! Achtung! Pokryshkin ist in der Luft!» — «Внимание! Внимание! Покрышкин в воздухе!»

Осенью 1943-го он устроил охоту на неприятельские транспортники, летавшие над черноморскими коммуникациями. Одно его имя наводило на врага ужас. За четыре вылета над Черным морем Покрышкин отправил на дно пять груженных «Юнкерсов».

ФОТО: ВЛАДИМИР САВОСТЬЯНОВ/ТАСС

С внучкой Катей, 1983

Тот год завершился с двумя Золотыми Звездами на кителе, стал всенародно известным героем. Каждый день о нем писали газеты: гордость страны, слава авиации, лучший сталинский сокол... Таких принято беречь. И ему решили подыскать почетную, сравнительно безопасную вакансию.

В феврале 1944-го предложили должность начальника боевой подготовки истребительной авиации с немедленным присвоением генеральского звания. Он отказался и попросил немедленно вернуть на фронт. Стал командиром 9-й Гвардейской Мариупольской авиадивизии.

Трижды Герой

Легендарный летчик, воевавший еще в Испании, генерал Тимофей Хрюкин, представляя Покрышкина к очередной Звезде, в наградном листе указал: «Храбрый из храбрых, вожак, лучший советский ас!». Первым в истории трижды Героем Советского Союза он стал, когда на его счету значились 53 сбитых самолета.

Александр Иванович продолжил ставить противника в тупик. В феврале 1945 года, не располагая подходящими аэродромами для базирования, облюбовал часть автострады Бреслау — Берлин и снова не просчитался. Это был единственный случай в истории мировой авиации, когда целая истребительная дивизия в течение полутора месяцев успешно действовала с участка обыкновенного автобана.

О том, как воевал Покрышкин, можно судить по одному, в сущности невероятному, факту: никто из ведомых им в боях не погиб. Сам он считал это достижение куда более значимым, нежели рекорды личных побед. Умел выращивать асов, как никто другой. Среди его однопольчан — тридцать Героев Советского Союза.

Сколько немецких самолетов уничтожил Александр Покрышкин? По официальным данным, на его счету 156 воздушных боев, 59 вражеских машин, сбитых лично, и 6 — в группе. Это второй результат среди асов

антигитлеровской коалиции (после итоговых цифр Ивана Кожедуба). Скорее всего, часть успешных дуэлей Александру Ивановичу не засчитали из-за уничтожения документов при отступлениях. Не фиксировались и некоторые сбитые самолеты, упавшие на вражеской территории. Сам же летчик рассказывал: «По памяти — сбил 90 машин. Официально — пятьдесят девять, а остальные ушли в счет войны».

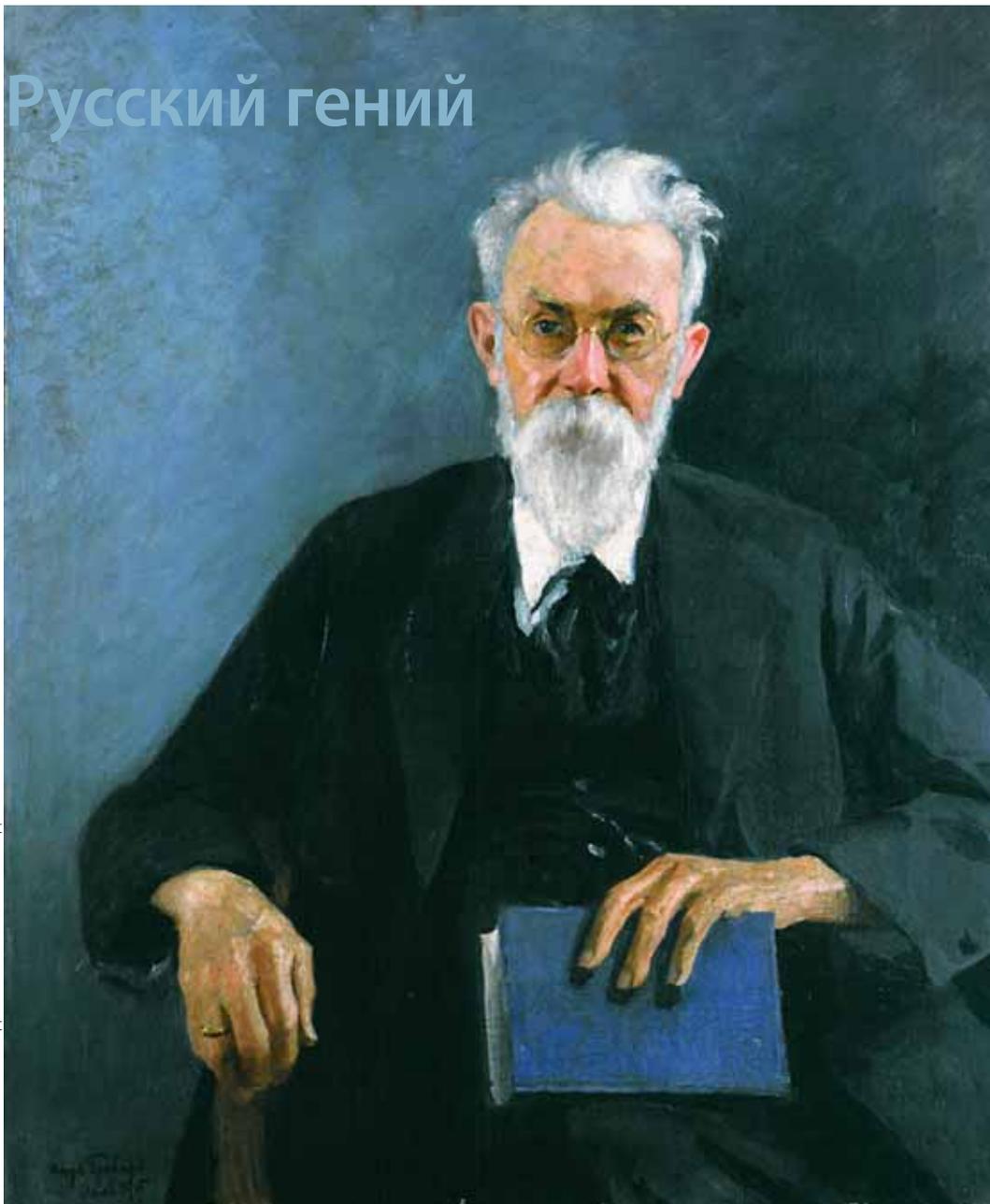
На Параде победителей он пронес по Красной площади флаг 1-го Украинского фронта. Это была вершина славы. Кстати, в Положении о награждении третьей Золотой Звездой Героя имелась и такая директива: «Соорудить бронзовый бюст с изображением награжденного и соответствующей надписью, установить на постаменте в виде колонны в Москве при Дворце Советов». Однако памятника Покрышкину в столице нет до сих пор.

Небесное братство

«Наши войска вступили в предгорья Карпат. Сюда и перебазировалась в мае 1944 года авиационная часть, в которой мне предстояло проходить службу. Нелегко было найти ее. Ориентирами служили указатели, прикрепленные к столбам или деревьям: «Хозяйство Покрышкина»... Итак, я служу в дивизии А.И. Покрышкина — непревзойденного мастера воздушного боя. Я был горд!» — вспоминал его ученик Михаил Девятаев на закате лет. К сожалению, та служба продолжалась совсем недолго. Вечером 13 июля Девятаев вылетел в составе группы истребителей и пропал. Комдив по этому поводу свидетельствовал: «Ждали день, другой — звонили в штабы — никто ничего не знал о нашем Девятаеве. Его поглотила страшная неизвестность. Полк потерял еще одного воздушного бойца». В донесении значилось: «Не вернулся с боевого задания, судьба летчика неизвестна». А он попал в плен — в бессознательном состоянии, после того, как его самолет сбили в районе Львова. Прошел несколько лагерей смерти. Но и в неволе продолжал сражаться — изобретательно, неотразимо, в духе Покрышкина. 8 февраля 1945-го группа советских заключенных с Девятаевым во главе захватила немецкий самолет и вернулась на Родину. Храбрец привез ценнейшие сведения о «Фау-2». Однако в армии на него смотрели косо. Много лет Покрышкин боролся за боевого товарища, и справедливость восторжествовала: в 1957-м отважного летчика наградили Звездой Героя.

Последнее звание Александра Покрышкина — маршал авиации. Прославленный ас возглавлял ДОСААФ, несколько раз его избирали кандидатом в члены ЦК КПСС. В маршальском возрасте он стал похож на былинного Илью Муромца. Написал несколько талантливых книг, а главное, продолжал воспитывать военных летчиков. Его школа дает о себе знать и в наши дни, в том числе — в небе над Сирией.

Русский гений

И. ГРАБАРЬ. «ПОРТРЕТ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ВЕРНАДСКОГО», 1935

Проект Вернадского

Андрей Самохин

Среди людей, причастных к сфере умственного труда, кто-то считает его безусловным гением, пророком, который во многих своих представлениях опередил время. Кто-то — просто талантливым ученым, вдохновенным мечтателем, оставшимся в истории мировой науки. Геолог, почвовед, кристаллограф, био- и геохимик, политик, общественный деятель, философ-мистик, создатель теории биосферы — все это Владимир Вернадский. А еще — человек, заложивший фундамент советского атомного проекта. 12 марта со дня его рождения исполнится 155 лет.

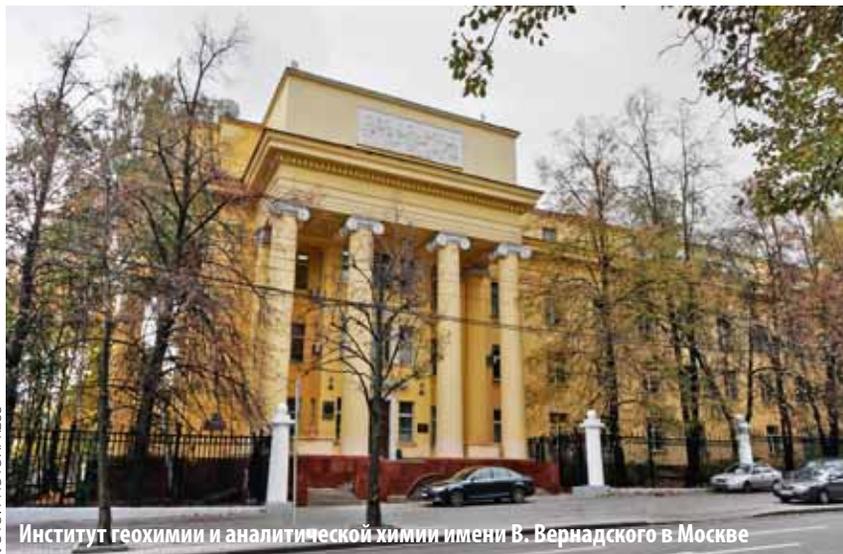

ФОТО: PHOTOPRESS

Институт геохимии и аналитической химии имени В. Вернадского в Москве

Мемориальный кабинет В. Вернадского

Почва и судьба

В начале XX века он, ученик прославленного почвоведом Василия Докучаева, увлекся изучением кристаллов. Увидел в них некий особый мир, совершенно уникальную форму ограниченного пространства. Предложил именовать вектор отклонения светового луча в этой среде по-древнерусски: «посолюнь» и «противусолонь» — то есть по солнцу и наоборот. Может быть, еще что-то принципиально важное заметил в кристаллических зеркалах? Как знать. Во всяком случае, с этого момента Вернадский, подобно мудрецам прошлого, приступил к собственному поиску сути мироздания, вызывая восхищение

одних и нарастающий скепсис других — строгих специалистов узкого профиля.

Будущий создатель учения о биосфере прожил долгую жизнь, в которой были не только этапы последовательного подъема, но и опасные водовороты с водопадами. Начиная в конце XIX столетия с классического изучения отдельных веществ, однако пошел по этому пути — от частного к общему — так далеко, как до него, пожалуй, никто не ходил. И в один прекрасный момент определил совокупность живой материи, включая человечество, как единую космическую силу.

Преодолев в полевых исследованиях с геологическим молотком

многие сотни километров, руками перебрал тонны кремнистых пород, обнаружил внутри них еще не открытые в то время алюмосиликаты, давшие позже начало целой отрасли промышленности. Мировым прорывом стало создание им новых дисциплин — биогеохимии, «связанной с изучением поведения атомов под воздействием живых существ», и радиогеологии — о естественных ядерных превращениях в веществе. Немало времени и сил он отдал изучению «газового дыхания Земли». Лекции, научные монографии, экспедиции перемежались с активной общественной и политической деятельностью.

В 1880-е Владимир Иванович вместе с Львом Толстым организует помощь голодающим Тамбовской губернии, становится членом Бюро земских съездов, оппонировавших царскому правительству. В 1906-м профессора Вернадского избирают как представителя Московского университета в члены Государственного Совета, что не мешает ему, уже в 1911-м, демонстративно покинуть вуз из-за «притеснений правительством студентов».

Вся эта активность, как ему кажется, способствует всеобщей борьбе за счастье Родины. В феврале 1917-го его подпись под петицией с требованием об отречении Николая II появляется среди прочих.

Коренное отличие этого человека от пустобрехов-демагогов, медленно, но верно расшатывавших Империю, заключалось в том, что все его социально-политические инициативы служили дополнением к постоянному, неутомимому созиданию. Яркий пример — учреждение в 1915 году под председательством Вернадского Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Академии наук (КЕПС). Этот орган, объединивший ученых, инженеров, предпринимателей, стал первоосновой, своего рода стартовой площадкой для появления не только специализированных НИИ, но и будущего пла-

на ГОЭЛРО, заложил начала комплексного освоения минерально-сырьевого богатства страны, прочертил направления грядущей индустриализации СССР. Еще в 1907-м в России открылось первое промышленное месторождение урана, а через два года Вернадский начал готовить Радиевую экспедицию Академии, вскоре появились исследовательские лаборатории, занимавшиеся новым для ученого мира направлением. Это была та самая научно-государственная политика с дальним, на десятилетия вперед, прицелом, которую проводили до него Ломоносов и Менделеев.

Поверх барьеров

Октябрьская революция стала для Владимира Ивановича, как и для большинства его коллег, сложнейшим рубежом. Он встретил ее, будучи товарищем министра народного просвещения Временного правительства и, разумеется, в штыки. «Русская интеллигенция заражена маразмом социализма», — писал ученый.

Кадет Вернадский входит в состав Малого совета министров, объявившего советское правительство незаконным, и вскоре оказывается вынужден бежать с семьей на Украину. Помогает организовать местную академию наук, становится ее президентом, однако наотрез отказывается от гражданства, предложенного самостийниками. Укraiнофил по своему эстетическому воззрению, он — убежденный противник политического украинства.

Характерно, что, пытаясь честно наладить работу вверенного ему учреждения, Вернадский обращается за помощью то к захватившим Киев большевикам, то к сменившему их генералу Деникину. А в итоге оказывается в белом Крыму, где его сын Георгий, православный патриот и будущий историк-евразиец, возглавляет ведомство печати в правительстве барона Врангеля.

Когда красные входят на полуостров, Владимир Иванович собирается эвакуироваться в Константинополь, но медлит и, как пишут биографы, по просьбе друзей остается, заняв пост ректора Таврического университета. Сотрудничает с крымским Ревкомом, во главе которого — организатор красного террора Бела Кун.

По возвращении в 1921-м в Петроград на короткое время все же подвергается аресту со стороны ЧК, но быстро выходит на свободу. Перед ним едва ли не из-

виняются за причиненные неудобства. Все эти чудеса легко объяснимы, если предположить, что над академиком уже тогда был кем-то заботливо раскрыт спасительный зонтик — чтобы сверху на умную голову ничего не падало и не сыпалось.

Ключ к атомной эпохе

Он очень нужен новой власти и отнюдь не только для международного имиджа. В красном Питере открывают зеленую улицу его заветному детищу — Радиевому институту, работы над которым прервала революция. Красные правители в тот период поразительно легко прощают своенравному ученому самовольную за-

держку на два года в парижской командировке, тут же вернув отобранное было академическое звание. Сквозь пальцы смот-

рят и на его дерзкие публичные хулы в отношении марксизма-ленинизма. Похоже, у него в кармане лежит та самая «окончательная бумажка», которую требовал для себя бугаковский профессор Преображенский.

По личному приказу Вячеслава Молотова не подлежит перлюстрации даже личная переписка Вернадского с сыном-белоэмигрантом, осевшим в Америке. Кстати, именно из нее ученый узнал о начале ядерных работ в США. На полях статьи из «Нью-Йорк таймс» «Наука открыла огромный источник атомной энергии» Георгий приписал: «Папа, не опоздайте».

Владимир Иванович, видя успехи большевиков в державном укреплении и не разделяя при этом коммунистической идеологии, теперь относится к ним значительно мягче, чем прежде. Особо выделяет двоих — Сталина и Молотова, регулярно встречается с ними. Несложно догадаться, о чем ведутся беседы. Радиевый институт уже в начале 1930-х активно занимается выделением чистых изотопов — важнейшей составляющей будущего производства оружейного плутония. В 1939-м на очередной встрече с Молотовым академик буквально настаивает на срочном развертывании в СССР ширококомасштабной добычи урана. Благодаря Вернадскому часть месторождений к тому моменту известна, технология наработана. Готов и руководитель уранового проекта, его ученик Александр Ферсман. Нет, не зря вождь народов рас-

С дочерью Ниной. 1910

В. Вернадский на собрании Академии наук. Ленинград, конец 1920-х годов

крыл над дерзким академиком защитный зонт.

Владимир Вернадский первым из ученых предупредил человечество о силе и опасности, таящейся внутри атомного ядра. Еще в 1922-м вопрос заострил до предела: «Недалеко то время, когда человек получит в свои руки атомную энергию... Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно даст ему наука?» Четкого ответа, кстати, никто не дал до сих пор.

«В ужасе и страданиях стихий родится новое прекрасное будущее человечества»

Широко распространен миф о нем как предтече современного экологического сознания. На самом деле у создателя учения о биосфере вовсе не было заботы о сохранении многообразия флоры и фауны, а равно — об опасности исчерпания полезных ископаемых.

По Вернадскому, живое вещество как единое геологическое тело организует земную оболочку и, пропуская через себя солнечную энергию внутрь планеты, влияет на процессы, идущие глубоко в недрах. Одно из принципиальных положений его теории: биосфера стабильна, баланс распределения в ней организмов поддерживается постоянно. А с другой стороны, люди,

активно вовлекая в хозяйственный оборот ископаемые, ускоряют тем самым образование новых залежей органических ресурсов. Этот, прямо скажем, небесспорный взгляд начисто отрицает возможность экологических кризисов на Земле.

Академик верил в безграничное могущество разума и считал, что развитию цивилизации нет предела, и это весьма импонировало вождям большевиков. Взяв на вооружение его тезисы, они пренебрегли «идеалистической заумью», за которую постоянно покусывали марксистские догматики рангом поменьше.

Вернадский не разрабатывал учения о ноосфере. Даже сам термин придумал не он, а профессор математики Сорбонны Эдуар Леруа, который на пару со своим другом, Тейяром де Шарденом, упоенно внимал лекциям Владимира Ивановича. Второй из французских развил теорию в духе философа Платина: о конечном этапе эволюции ноосферы — обретении человечеством божественных качеств в «точке Омега».

В концепции нашего мыслителя и естествоиспытателя для Бога места вроде бы не предусмотрено, там говорится о новой геологической эпохе, психозойной эре, Эре Разума. Ноосфера, по Вернадскому, — следующий этап эволюции, связанный с резким повышением

геологической силы человечества. Среди предпосылок ее возникновения он видел такие факторы, как появление единого информационного пространства, освоение homo sapiens всей планеты и выход за ее пределы; всеобщую демократию, прекращение войн, превращение половины человечества в ученых.

Не будучи христианином, он часто называл себя «религиозным человеком», симпатизировал некоторым основам буддизма. На предложение большевиков поучаствовать в антирелигиозной пропаганде ответил брезгливым отказом. Однако сердцевина его квазирелигии была во многом созвучна коммунистической вере. «Я смотрю на все с точки зрения ноосферы и думаю, что в буре и грозе, в ужасе и страданиях стихий — но родится новое прекрасное будущее человечества», — писал Вернадский.

Беды начала Великой Отечественной Владимир Иванович переживал тяжело, но при этом в разгрома фашизма не сомневался. В 1943-м в эвакуации в Казахстане умерла его супруга и ближайшая помощница Наталья Егоровна, с которой они прожили 56 лет. В том же году «за многолетние выдающиеся работы в области науки и техники» академику вручили Сталинскую премию I степени.

Он не дожил всего четыре месяца до Победы и полгода — до взрыва американской атомной бомбы над Хиросимой.

Его именем названы университеты, улицы, проспекты, библиотеки и даже подледные горы в Антарктиде. Но для этого полномочного посла далекой, загадочной ноосферы все эти почести, скорее всего, показались бы малозначительными. Ведь согласно кредо Вернадского, «единственное, что не пропадет в этом мире, — это духовное усилие... Голос человека, его мысли, открытия, понятия, истины и заблуждения есть только голос Вселенной».

Стоп-кадр

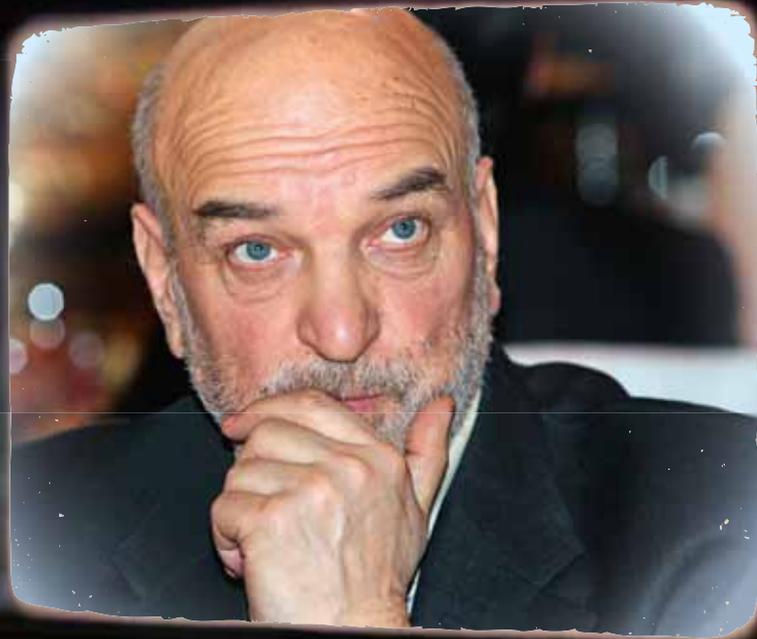

ФОТО: ЕКАТЕРИНА ЧЕРНОКОВА/РИА НОВОСТИ

Алексей Петренко: «Грехи моих персонажей я взял на себя»

Николай Ирин

Даже на фоне актеров первой величины Алексей Петренко — фигура очень своеобразная. Причем не только по части мощной, иногда запредельной экспрессии, но и в плане социально-психологической породы. Крестьянский сын, родившийся в селе под Черниговом, став знаменитостью, скупко рассказывал, что его отец был когда-то раскулачен, отправлен в лагеря, однако бежал оттуда «в леса». В период привыкания к богемной среде и публичности больших столиц, как, впрочем, и много позже, артист заставлял себя неизменно быть на чеку, хранить бдительность. «Я не все скажу, что думаю», — подобные предупреждения в интервью с ним звучали не однажды. Его 80-летие отечественный кинематограф и благодарные поклонники отметят 26 марта, а ушел из жизни Алексей Васильевич год назад, в феврале.

ДО ЧЕТЫРНАДЦАТИ лет он практически не слышал русских слов. Потом в избу поставили радиоточку, и с этого момента Алеша стал внимать им от восхода до заката, от утреннего гимна страны до полуночного: радио никогда не выключали. Первый раз попробовал изъясняться по-русски в кругу семьи, когда исполнилось шестнадцать. Родная для него сельская глушь являлась одновременно колыбелью нашей общей, исконной культуры. Поэтому, с одной стороны, возникало ложное чувство собственной «приниженности», чтобы не сказать «ничтожности» («Как будто я из небытия, из праха

воплощению — Элему Климову он встретился впервые, когда играл в спектакле Театра имени Ленсовета «Преступление и наказание». Петренко исполнял роль Свидригайлова, а кинорежиссер, пораженный увиденным, сразу объявил его коллегам: «У вас в театре артист с бешеным взглядом!»

Впоследствии у возрастного и давно уже легендарного Петренко звучали прочувствованные, жалобные нотки в гениально спетой песне о злоключениях бобра: «Купался бобер: не выкупался, весь выгрянился. Хотят бобра уби-

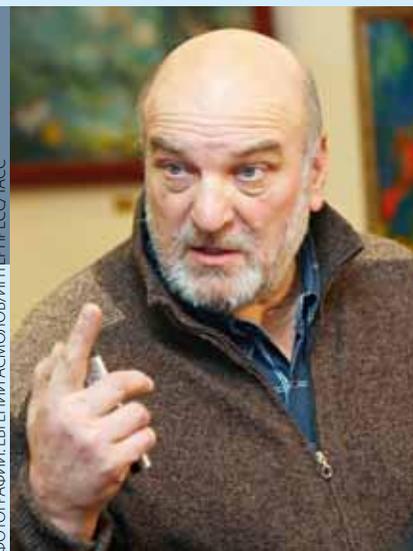
стокости грабителей, то гнева чужеродных комиссаров.

Закономерно, что пронзительный Климов именно ему в конечном итоге предложил сыграть Распутина в своей «Агонии». По-настоящему крупные отечественные мастера, пробовавшие на роль, все же лишь притворялись загадочным сибирским крестьянином — то ли духовидцем, врачевателем, то ли интриганом и шарлатаном. Утвердили, было, Леонида Маркова, исполнителя с ярко выраженным маскулинным складом характера и бешеным темпераментом. Однако у него оказался образцово культурный семейный бэкграунд: отец — профессиональный актер, мать — гример. А ведь семья накладывает решающий отпечаток на психофизику, и в качественном кино семейное предание едва ли спрячешь. Зато Алексею Васильевичу натужно имитировать ментально чуждый образ не пришлось. К тому же у него, обживавшего новую среду, закономерно проявилась тяга к гротескному жесту. В какой-то мере таким, по всей видимости, был и Григорий Распутин. Петренко же про себя однажды вспоминал: «Когда был помоложе, хотелось покуражиться и каким-то образом шокировать пространство!» То зачем-то спрыгнул с мчавшейся во весь опор элек-

явился»), с другой — ощущение преемства по отношению к историческому преданию («Там дышит все стариной, должен был жить Илья Муромец и Соловей-разбойник и все богатыри. ...Тоголь — его земля там же, где земля моих предков»).

Мощного телосложения, «дикуватый», как сам он представлялся, и при этом осторожный, с некоторой хитрецей во взоре и повадках, с невероятной волей к лицедейству, уникальной способностью к пере-

ти, хотят облупити, лисью шубу шити — бобром опушити». В этой «самоидентификации», в немудрой истории с попавшим в переплет фольклорным персонажем зашифрована, надо полагать, родовая травма. Столетиями приходилось страшиться его малороссийским предкам то прихоти панов, то же-

ФОТОГРАФИИ: ЕВГЕНИЙ АСМОНОВ/ИНТЕРПРЕСС/ТАСС

СТОП-КАДР

«Агония». 1982

трички (и на несколько месяцев лишился способности передвигаться на своих двоих, выпадал из плотно театрального графика), то ввязался в жестокую драку в Кишиневе, с последствиями которой мощный организм справился также нескоро.

Он — своего рода естествоиспытатель. Тот же Климов с изумлением отмечал его способность подключаться не просто к высоким энергиям, но к токам крайне опасным. Петренко, будучи весь во внутреннем движении, брожении, являясь при этом человеком верующим, ни в коем случае не ставил под сомнение значимость избранной профессии, понимая ее как раз в качестве психофизического полигона: «Стать врачом-испытателем и привить себе какую-то болезнь в виде гордыни, гордости, тщеславия и через персонажа это все продемонстрировать. Чтобы другим было неповадно или, наоборот, «повадно», если то благость».

Восхищают в нем отсутствие позы и нежелание играть «хорошего парня». К сожалению, люди, так или иначе транслирующие на публике свою религиоз-

ность, грешат зачастую пустым краснобайством. А если важно поучают, то, как правило, торгуют своей «положительностью», в которую тем меньше хочется верить, чем эффектнее фраза и жесты. Петренко, кажется, знал настолько важные вещи про устройство мира, что позировать и торговать представлялось ему ненужной тратой времени и сил.

Характерен его рассказ о сотрудничестве с Эфросом: «Великий режиссер очень любил, чтобы на его репетициях присутствовало во-от такое количество народа, сидели, записывали за ним каждое слово, каждую запятую... А я человек стеснительный, у меня часто не получается сразу... Я горячий человек: все терпели, а я нет... Я взял рюкзак и пошел на выход. Анатолий Васильевич мне вслед закричал: «Это не Вы ушли, это я Вас выгнал!» Я говорю: «Очень жаль, что такой интеллигентный человек и так невоспитан».

Каприз? Взбалмошная выходка? Рисовка перед «толпой»? Когда видишь, с какой непринужденной простотой он повествует о делах давно минувших дней, и понимаешь, что рассказчик всего-то поделился личным опытом (прежде всего с теми, кому это

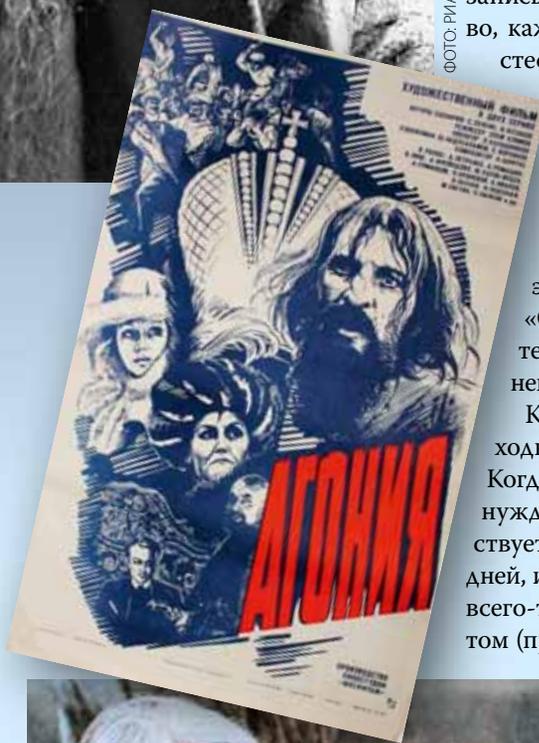

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Агония». 1982

«Сказ про то, как царь Петр арапа женил». 1976

может пригодиться), ответ представляется очевидным: ни то, ни другое, ни третье. От постановщиков уровня Эфроса добровольно, в новом, незнакомом городе, с одним рюкзачком не уходят. Петренко тем не менее отправился восвояси — посторонние на репетиции слишком осложняли его творческий процесс. Никого не обижая и никому ничего не доказывая, режиму психологического дискомфорта сказал твердое, решительное «нет», ибо профессиональные лавры не должны быть главной задачей — о душе надо заботиться, с глубинным, внутренним голосом сверяться следует.

Он прочувствованно цитировал Сатина из легендарной горьковской пьесы: дескать, если ситуация неуютна и непонятна, то обременяй до поры грешную землю, терпеливо жди, пока не придет к тебе что-нибудь хорошее. Так у него всегда и происходило. Дважды поступал после школы в Киевский театральный институт, но оба раза

«Сибирский цирюльник». 1998

срезался, после чего шел работать руками — в молотобойцы, к примеру. А когда понял, что факт повторного провала тревожно сигнализирует о необходимости сменить вектор движения, отправился в Харьков, где был зачислен на курс народного артиста СССР Ивана Марьяненко.

В этом городе была оригинальная и сильная школа, поскольку там, вдалеке от столиц, сгруппировались отлученные от престижных кафедр мэтры. Петренко — пожалуй, единственный наш послевоенный актер высочайшего уровня, который не учился в Москве или Ленинграде. Столичное образо-

СТОП-КАДР

вание помимо прочего давало возможность вовремя обрести полезными связями — с тем, чтобы поскорее устроиться в знаменитый театр или попасть на съемочную площадку к видному постановщику. А из Харькова будущий великий артист получил направление сначала в Запорожье, а потом — в Жданов.

Всего за три года кудрявый, статный молодец превратился в премьеру труппы. Играл 35 спектаклей в месяц: каждый вечерний плюс четыре по воскресеньям. И вот уже товарищи по ждановской сцене, которые некогда учились на одном курсе с Игорем Владимировым, возглавившим Театр имени Ленсовета, буквально заставили харизматичного коллегу поехать на смотрины в Ленинград. Владимиров, обучавшийся тонкому ремеслу у Георгия Товстоногова, собрал сильнейшую труппу, но место для Петренко в ней, разумеется, нашлось.

«Игорь Петрович меня терпел 14 лет, — вспоминал артист. — Я ведь не сахар, а он ко мне относился с любовью». Много говорит об их отношениях и то, что в марте 1999-го, когда Игорь Петрович умер, актер, давно с ним

ФОТО: ГАЛИНА КМИТРИЯ НОВОСТИ

«Искусство жить в Одессе». 1989

не сотрудничавший, отправился с женой, театральным критиком Галиной Кожуховой, проводить друга и учителя в последний путь. «Из Москвы тогда не приехал больше никто», — констатировал Петренко, и опять эти слова ни в коей мере не являлись позой или желанием уколоть, походили, скорее, на фрагмент исторической летописи, которую он мысленно вел каждый день своей жизни. Его внимательное, без

экзальтации и кликушества, отношение к событиям и людям достойно пиетета. Ведь именно так он и работал — наблюдая, сопереживая, анализируя.

«Актерское дело — учеба вприглядку... Что-то украсть! Умрет великий актер, а куда денется то, что он делал? А ты раз украл, ты сохранил», — целую философскую систему разработал... А между тем разглядеть в его игре хитрые «украденные» приемчики решительно невозможно. Его уникальность в том, что вообще никакой актерской техники у него не видно. Поначалу это может раздражать, особенно когда рядом с ним в кадре артисты с более артикулированной манерой. Но потом вдруг попадаешь в силовое поле и начинаешь испытывать восторг. Такие мысли и чувства вызывают летчик Юрий Строганов из «Двадцати дней без войны», директор школы, а в прошлом кадровый военный Кирилл Алексеевич из картины Динары Асановой «Ключ без права передачи». Неподражаем его Подколесин в «Женитьбе». Когда этот грузный, странный, душевно тонкий, хотя и не в меру растерянный человек выскальзывает в окошко, убегая от невесты и обязанностей с перемена-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Беда». 1978

«Жестокий романс». 1984

ми, невольно представляется, что улететь-то он от тебя, зрителя, и становится вдруг досадно оттого, что больше его не увидишь и не услышишь.

Алексей Васильевич предстает как артист, у которого вообще не было плохих ролей. Он находил повод для глубокой и эмоционально насыщенной исследовательской работы в любом материале. В той же «Женитьбе» гениален Олег Борисов в роли Кочкарева, очень хороши все другие исполнители, однако даже гротескная ненормальность в их случае выглядит нормой, поддается классификации. Петренко же создал образ человека, который бережет себя как-то чересчур патологически. В то же время этого «оригинала» понимаешь и оправдываешь: бедолага бежит прочь от людей, агрессивно навязывающих ему свою аномальную «норму», но он-то, представьте, совершенно иной, к тому же сам себя пока еще не познавший.

«Грехи моих персонажей я добровольно взял на себя» — эти слова не отвлеченное морализаторство, но творческий метод актера. «Оказывается, звуки имеют ум» — вывод индивида с безукоризненным слухом и почти оперным голосом, который публично запел только в последние два десятилетия своей жизни. «Помолчать бы после шестидесяти» — сентенция от мудреца, любящего радости бытия, но осознающего их преходящий характер. «Спорьте, спорьте!» — настаивает его директор школы у Асановой. Петренко завораживает, заражает, гипнотизирует. Достаточно вспомнить, с какой точностью он передает перемену настроений Петра I в фильме «Как царь Петр арапа женил». А когда сыгранный им генерал Радлов в «Сибирском цирюльнике» грызет на Масленицу хрусталь, это выглядит не преувеличением, а очередным опытом, который в целях познания бытия осуществляет зрелый человек, все еще ожидающий от судьбы сюрпризов и откровений.

Алексей Васильевич собрал и внимательно прочел 800 томов сказок. Выучил церковнославянский. Бесподобно включился в легендарную постановку Анатолия Васильева «Серсо», где произносил обыденные реплики в духе Великой Тайны: «Я давно не носил шляпу, я хочу в ней быть»; «Я знал секрет этой калитки».

«Ему интересна только профессия, а во всем остальном он жизнь переживает», — комментировала его поведение Галина Кожухова. Наверное, это не так. Налицо редкий случай тотального присутствия сильной личности здесь и сейчас. Он и теперь тут, рядом с нами.

«Женитьба». 1978

«Двадцать дней без войны». 1977

Сначала Бог, а потом пирог

Максим Сырников

В Великий пост тоже пекут пироги — с капустой, грибами, картофелем, луком, кашами, морковью (последние на Псковщине называют «борканниками»), репой, горохом. А еще — сладкие: с яблоками, грушами, ягодами, вареньем.

ТЕСТО, конечно, должно быть постное. Современные хозяйки сомневаются: разве можно его завести для пирогов без маргарина, яиц, молока? Наш ответ: можно, да еще и очень вкусное — легкое, эластичное. Вот только сдобы для него берем совсем немного: чуточку растительного масла и щепотку сахара.

Для начала приготовим опару: 350 г теплой воды смешаем с 250 г пшеничной муки, добавим 15 г дрожжей, чайную ложку (без верха) соли и столовую ложку сахарного песка.

Все вымесим до полной однородности и, накрыв кастрюльку полотенцем, поставим в теплое место — подниматься. Как только опара подойдет (обычно через час-полтора), добавляем еще около 400 г муки и три столовые ложки растительного масла. Если тесто получилось липким, то подпыливаем еще муки. Тщательно вымешиваем и оставляем подходить. После аккуратно обминаем и ждем, когда оно поднимется вторично.

Наконец, раскатываем и наполняем любой начинкой, сладкой или несладкой, да и не обязательно постной. Тесто универсально, пригодно для любых пирогов, в том числе и жареных.

ФОТОГРАФИИ: PHOTOPRESS

Своя

МАРТ 2018

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Викики